

Наталья Солнцева

Обольстить Минотавра

Наталья Анатольевна Солнцева

Обольстить Минотавра

Серия «Мистический детектив (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160660
Обольстить Минотавра: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-119141-2*

Аннотация

Стареющая хищница Феодора едет на Крит и неожиданно встречает молодого красавца Корнеева, сына известного московского богача. У нее завязывается роман с мажором, который легко попадает в расставленные сети. Одевшись минойской принцессой Ариадной, она встречает его на критских развалинах и дарит золотой клубок.

Могла ли она предположить, к чему приведет ее изощренное кокетство? И чем обернется скорый неравный брак?

Тем временем к сыщику Всеславу Смирнову обращается его старый друг Эдуард с просьбой найти свою пропавшую жену Нану. В самом начале поисков выяснилось, что убит двоюродный брат Эдуарда, Олег. Он был диггером и бредил расположенными под Москвой древними подземельями.

Но никакой лабиринт не сравнится с темными закоулками человеческой души, где вызревают зловещие замыслы и жестокие преступления.

Содержание

Дорогой Читатель!	4
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	35
Глава 4	51
Глава 5	70
Глава 6	84
Глава 7	99
Глава 8	118
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Наталья Анатольевна Солнцева Обольстить Минотавра

*Мстит лабиринт! Святые тайны не выдает
пришельцам он.*

В. Брюсов

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них – мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

Так как не замечал главный герой моей новой серии сценарист Илья Самбуков. Пока не стал участником невероятных и необъяснимых, с его точки зрения, событий.

Быть может, и вы посмотрите на мир его глазами и увидите нечто новое...

С любовью,

Наталья Солнцева

Глава 1

Голоса раздавались в темноте. Пахло сыростью и каменной крошкой.

– Это должна быть достойная жертва.

– Да.

– Место мне нравится... здесь все галереи поворачивают влево, легко заблудиться.

– Так и задумано. Центральное помещение имеет два одинаковых проема, это сбивает с толку, заставляя ходить по кругу. Виток, еще виток, и по телу пробегает озноб, а волосы поднимаются от ужаса. Остаться навсегда в полном мраке... Брр-р-ррр! Во тьме даже время умирает и живет только страх.

– А мне кажется, я все вижу... стены, потолок, куда поворачивать... у меня появилось кошачье зрение.

– Зато *они* слепы, шагу не ступят без свечи и фонарей.

– Поэтому я хочу, чтобы горели факелы, настоящие, как тогда.

– Приготовим. Сначала умрет *она*, потом *он*. Запомни! Без ее помощи *он* ничего не смог бы сделать! *Она* должна платить...

Глухое эхо носилось под низкими сводами. Где-то капала, просачиваясь, вода.

– А флейты, арфы, барабаны? Сердце замирает от их ледящего душу ритма, от их мистических переливов.

– Все будет. Я устрою.

– У нас получится?

– Разве есть выбор? Я не могу больше ждать... *оно* пожирает. Особенно ночью, когда все спят и наступает тишина, раздаются эти ужасные звуки. А мысли? С ними что делать? А сны? Лучше вообще не закрывать глаза.

– Начало есть точка исхода. Только оттуда можно повернуть все вспять. *Он и она* умрут.

– Осталось совсем немного, но каждый миг – словно открытая рана.

– Они увидят танец смерти!

– Что делать с отступником? Он может выдать.

– Не успеет. Позаботься об этом.

Воцарилось молчание, нарушаемое тихими шорохами,

словно возятся по углам мыши.

– У тебя с *ним* все получилось, – прозвучал во мраке один из голосов. – *Он* в наших руках. Главное, чтобы *он* поверил.

– Поверит!

– Неужели скоро все кончится?

– Лезвия остры, как бритва, или еще острее. Моя рука не дрогнет. *Они* даже не испугаются, а жаль.

– Зло нельзя было выпускать из темницы. Запертое, оно кормилось малыми жертвами, а теперь каждый может стать его пищей!

– Нам просто не повезло.

– Это судьба! Она избрала нас, чтобы исправить роковую ошибку.

– Думаешь?

– Хочу так думать, иначе все становится бессмысленным. Стечение обстоятельств? Не верю! Мы же сами стремились к этому.

– Когда *они* умрут, мы опять станем свободными.

– Я надеюсь.

Голоса стихли, прошуршали по полу шаги, почти беззвучно раскрылись и закрылись двери. Первозданная тьма, потревоженная, сомкнулась, вступила в свои права. И только едва слышный шелест, словно шепот пересыпающихся песчинок, наполнял эту затаенную черноту...

Москва. Октябрь

Частный сыщик Всеслав Смирнов отдыхал. Осень подходила для этого ничуть не меньше, чем лето. Деревья пожелтели, небо покрывалось то сизыми тучами, то серой пеленой; изредка пасмурные дни сменялись ясными, холодными и прозрачными, как родниковая вода.

Он предпочитал поэтичную красоту средней полосы России турецкой жаре, экзотическому Тунису и прочим южным курортам. В отличие от Евы, которая любила море, запах кипарисов, горные ландшафты Крыма.

Смирнов не терял надежды жениться на Еве, она же не считала законный брак залогом счастья. Гражданский ее вполне устраивал. Свобода – единственное, что по-настоящему объединяет людей: это глубокое убеждение Евы ничто не могло поколебать.

– Разве мы не любим друг друга? – говорила она. – К любви добавления не требуются.

Ева и Всеслав жили вместе в трехкомнатной квартире, принадлежащей матери Смирнова. Та со своим мужем-археологом переезжала из города в город, из страны в страну и, похоже, не собиралась возвращаться в Москву.

– Я хочу, чтобы у тебя были права на жилье, если со мной

что-нибудь случится, – приводил свои доводы Славка. – Ты же знаешь, какая у меня работа.

– С тобой ничего не случится, – возражала Ева, и ее глаза наполнялись слезами.

Очередной разговор на сию щекотливую тему Смирнов и Ева вели на диване у телевизора. Телефонный звонок прервал горячий монолог сыщика.

– Меня нет! – замахал он руками, когда она взяла трубку. – Я уехал.

– Он уехал, – послушно повторила Ева. – В отпуск, на курорт.

– Девушка! – взмолился приятный баритон. – Вопрос жизни и смерти! У него есть мобильник? Дайте номер, заклинаю всеми святыми!

– Не могу. Должен же человек раз в году спокойно отдохнуть.

Баритон не стал спорить. Он просил если не расследования, то хотя бы возможности проконсультроваться.

– Я задам ему пару вопросов, и все. Войдите в мое положение!

Ева вопросительно посмотрела на Славку, тот отрицательно замотал головой.

– К сожалению, вам придется подождать.

Мужчина, разгневанный, бросил трубку. Ева вздохнула.

– Он был в бешенстве, – сказала она.

– Кто?

– Несостоявшийся клиент. Назвался Эдуардом Проскуровым.

– Эдик?! – Смирнов вскочил. – Это мой бывший сослуживец. Знаешь, сколько часов мы с ним просидели бок о бок в засадах в горах, поджидая боевиков? О-о! То были жаркие, тревожные дни... адреналин кипел в крови, а сердце стучало, грозя разорвать грудную клетку. Эдик спас мне жизнь, я у него в долгу.

– Ты серьезно?

– Более чем. Извини, подробности я опускаю. Война для меня – перевернутая страница биографии. Раз и навсегда!

Ева помолчала.

– Может, перезвонишь ему?

– Эдику? Пожалуй.

Смирнов, сам того не ожидая, разволновался. Он ходил взад и вперед по гостиной, стараясь отогнать непрошенные воспоминания.

– У тебя есть его телефон? – спросила Ева.

– А? Да, конечно. Он теперь важная персона, владелец сети охотничьих магазинов. Когда-то нелегально приторговывал оружием, едва не сел. Чудом выкрутился. На этом и капитал себе сколотил. Сильная личность, но весьма воинственная. Удивляюсь, почему он отказался от военной карьеры? Хотя... страсть к деньгам пересилила тягу к власти.

Всеслав порывлся в блокноте и набрал номер Проскурова. Тот немедленно ответил.

– А секретарша сказала, что ты в отъезде, – замысловато выругавшись, прогрохотал Эдик. От его голоса закладывало уши.

– Во-первых, чего кричишь? – добродушно усмехнулся Славка. – А во-вторых, у меня нет секретарши. Ты разговаривал с моей женой.

– Прости, брат. Богатство ужасно портит людей! Вот и меня испортило. Смирнов, выручай, я от тебя не отстану. У меня... словом, не для телефона эта беседа. Приезжай ко мне в офис. Или нет, лучше я к тебе.

– Давай, – сразу согласился сыщик и назвал адрес. – За полчаса доберешься?

– Вряд ли. Ну, не буду терять времени, лечу!

Ева молча отправилась на кухню запекать мясо. Хорошо, что Славка еще вчера набил холодильник продуктами.

Она умела и любила готовить – иногда. Обмазав кусок свиной вырезки майонезом и специями, нашпиговав его чесноком, Ева поставила мясо в духовку. Занялась салатом. Сладкий перец, кукуруза, помидоры, маринованный лук, брынза и маслины разноцветной горкой улеглись в салатнике.

За работой время промелькнуло незаметно, и прозвучавший звонок в дверь не застал Еву врасплох, стол был накрыт, мясо почти готово. Она убежала в спальню переодеваться, а Смирнов встречал гостя. На том лица не было. Вымученная улыбка не могла скрыть его крайней растерянности и горя.

Проскуров принес коньяк, ликер для дамы, большую банку черной икры, конфеты и ананас. Бывший Славкин со-служивец оказался высокого роста, крепким, накачанным, с крупными чертами лица и короткими волосами, тронутыми сединой. Видно было, что он проводил немало часов в спортивном зале, заботился о том, чтобы быть в форме.

Решили сначала выпить, а потом поговорить о деле. Коньяк совершенно не действовал на мужчин, тогда как Ева опьянела. Она с интересом рассматривала Проскурова: руки ухоженные, с обработанными ногтями, одежда модная, часы стоят, наверное, кучу денег – словом, преуспевающий человек. Что привело его к частному детективу?

– У меня, брат, беда случилась, – после очередной рюмки спиртного выдохнул гость. – Не знаю, как и сказать... Я, понимаешь, женился месяц тому назад.

– Поздравляю. Что ж на свадьбу не позвал? – Всеслав смягчил напряжение. – Забыл про старого товарища?

– Мы с Наной никого не звали. Она родом из Грузии, вот мы там и отметили бракосочетание. Только вдвоем. На романтику потянуло. Ели шашлык из барашка, пили грузинское вино и любовались видом гор. Она рассказывала про царицу Тамару.

– Это которая любовников сбрасывала со скалы? – уточнил сыщик.

– «Прекрасна, как ангел небесный, как демон, коварна и зла!» – процитировала Ева.

Проскуров уныло кивнул:

– Ага. Но это просто легенда.

– Весьма мрачная.

– Да, – согласился гость. – Вообще поездка в Грузию произвела на меня гнетущее впечатление. Трудно объяснить почему. Погода стояла хмурая, черные тучи скрывали верхушки гор, каменные башни и храмы наводили тоску. Сначала мы собирались поселиться в тбилисской гостинице, снять люкс, заказать шикарный ресторан, но Нана внезапно передумала. Она пожелала провести эти свадебные дни в небольшом горном селении, на свежем воздухе, обвенчаться в древнем монастыре, так, как делали люди двести-триста лет тому назад. Чтобы запомнилось на всю жизнь.

– Судя по всему, впечатления остались неизгладимые! – с сарказмом воскликнул сыщик.

– Не стоит иронизировать. Все получилось прекрасно, за исключением... настроения. Какая-то странная меланхолия, грусть снизошла на нас вместо радости. Бракная ночь состоялась в старом двухэтажном доме с каменными стенами и деревянными потолками, в очаге горел живой огонь. По крыше до утра стучали ветки огромного крючковатого ореха, не давали уснуть. Пахло углями и виноградными листьями, на губах горчило от поцелуев...

– Это твоя первая женитьба? – спросил Смирнов.

Эдик кивнул.

– Давно мы с тобой не виделись, – вздохнул он. – Ты, ка-

жется, еще курсантом женился на Жанне? Успел развестись, и теперь у тебя новая прелестная супруга. – Гость бросил смущенный взгляд на Еву. – А я долго выбирал, все искал чего-то! Доискался... Я, собственно, пришел просить об услуге: Нана пропала. Исчезла, не сказала ни слова, не позвонила, не оставила записки, растворилась, как мечта, которой не суждено сбыться. Она меня бросила! Через месяц после свадьбы. Я... люблю ее, очень. Будь я проклят, если хоть что-то понимаю в этом дьявольском повороте судьбы! Я хочу разобраться, что я сделал не так. Что произошло с Наной, милой, скромной, чистой? Как она могла?!

– Ты уверен, что она ушла от тебя по доброй воле?

– Сначала я ударился в панику, обзвонил всех знакомых, больницы, морги, ну, как водится. Потом немного остыл, перебрал ее вещи. Она взяла с собой только сумочку с косметикой и прочими мелочами, остальное лежит дома. Документы, одежда, драгоценности, которые я ей дарил.

– Обручальное кольцо тоже?

Проскуров покачал головой:

– Н-нет... кажется, нет.

– А деньги?

– У Наны есть банковская карточка, она может снимать со своего счета необходимые ей суммы.

– Она взяла ее с собой?

– Думаю, карточку она носит в сумке, как и кошелек.

– Сколько дней твоя жена отсутствует?

– Три. Понимаю, что бить тревогу рано, но я места себе не могу найти! Нана – порядочная девушка, я у нее был первым мужчиной. Тогда, в горном селении, интимная близость между нами произошла впервые, после венчания. Жена любит меня, я не сомневаюсь. Ума не приложу, что могло заставить ее уйти, сбежать?

– Похищение ты отбрасываешь? – спросил сыщик. – Вымогательство и шантаж – не такая уж редкость.

– Меня никто не шантажировал, – возразил Эдик. – Никто не звонил, не предъявлял никаких требований. И потом, я не столь богат, чтобы платить бандитам миллионы.

– А пятьдесят, сто тысяч долларов собрать тебе по силам?

– Такую сумму – да, без труда. Но это же мелочь!

– Смотря для кого. Ладно, предположим, Нану выкрали не с целью выкупа, а из мести. У тебя есть враги, Эдуард?

– Есть. У кого их нет? Но тогда кто-то уже сообщил бы о похищении Наны как об акте возмездия. Чтобы я помучился.

– Тоже верно, – согласился Смирнов. Замолчал, размышляя.

– Как вы познакомились со своей женой? – воспользовалась паузой Ева. – Это было сватовство, как принято в деловых кругах? Или романтическая случайность?

– Обыкновенно, – вздохнул Проскуров. – Я проезжал на своей машине мимо, она шла по улице... я засмотрелся, сердце дрогнуло. Решил познакомиться, притормозил. Нана

обдала меня холодом, она была неприступна. Это меня заинтриговало. Вот, собственно, и все.

– А потом?

– Я обратил внимание, что мы встретились рядом с институтом искусств. Там неподалеку мой офис. Стал, проезжая, смотреть по сторонам и снова встретил ее. Она училась на искусствоведа, готовилась к защите диплома. Я проявил настойчивость, изобретательность, и наконец мне удалось растопить лед в душе Наны.

– Она где-нибудь работает?

– Нет. Мы договорились, что проживем годик в свое удовольствие, тем более что я в состоянии обеспечить семью. А потом она сама решит, как ей быть, – захочет, я помогу ей найти работу по специальности; не захочет – пусть сидит дома. Меня любой вариант устроит.

– Где она жила до того, как вы поженились? – поинтересовался Всеслав.

– Снимала квартиру недалеко от института. Ее родители в Тбилиси, они пожилые люди. Нана – поздний ребенок. Им пришлось продать хорошую квартиру и переехать в меньшую, расстаться с загородным домом, чтобы платить за учебу единственной дочери. Они души в ней не чают! Я звонил старикам, осторожно выяснял, не у них ли Нана. Они уверены, что их дочь в Москве, со мной. Боже! – Проскуров сжал голову руками и застонал. – Что мне делать? Идти в полицию, подавать в розыск? Пустая трата времени плюс неже-

лательная огласка.

– Нежелательная? Почему? – притворно удивился Смирнов.

– Будто ты не понимаешь? – взорвался гость. – Зачем мне лишние разговоры, сплетни и шум? Вдруг Нана вернется? Она не простит скандала. К тому же полиция пропавших ищет спустя рукава, лишь бы отделаться от наседающих родственников. Я надеюсь только на тебя, Славка! – Он налил себе полную рюмку коньяка, выпил залпом, перевел тоскливый взгляд со Смирнова на Еву. – Вы меня понимаете?

Она кивнула.

– Не происходило ли в последнее время, в Грузии, например, или перед самым отъездом из Москвы, чего-либо странного? – спросил сыщик. – Чего-то не соответствующего ситуации? Выходящего за привычные рамки?

Проскуров изрядно опьянел, маска вальяжного, избалованного жизнью человека окончательно с него слетела. Перед Всеславом и Евой сидел растерянный, глубоко оскорбленный в лучших чувствах, подавленный горем мужчина.

– Кажется, нет, – пытаюсь сосредоточиться, выговорил он. – Никаких казусов, никаких неприятностей не было. Никаких размолвок между мной и Наной. В том-то и трагедия!

Глава 2

Крит. Год тому назад

Красивая, ухоженная женщина лет сорока на вид сидела на открытой террасе и любовалась синевой моря, пестротой оживленной гавани с теснящимися рыбацкими баркасами, прогулочными катерами, с которых зазывали туристов на прогулку. Она закурила. Изящные длинные пальцы с перламутровыми ногтями сжимали ментоловую сигарету. Второй раз она приехала в бархатный сезон на Крит, на две недели, лежала на золотом песке, слушала шум финиковых пальм, вдыхала солоноватый воздух Средиземного моря. Воспоминания о первой поездке просыпались от каждого взгляда, каждого вдоха, полного йодистой свежести.

Феодора Евграфовна выросла в малообеспеченной семье. Ее отец, Евграф Рябов, работал токарем на подшипниковом заводе, половину зарплаты пропивал, а остальные деньги матери приходилось выбивать у него со скандалом. Хорошо хоть до драк не доходило. Мать всю жизнь промыкалась медсестрой за мизерную плату. Когда родилась дочь, она устроилась в детский садик, где сама могла бесплатно пообедать, за девочкой присмотреть и не потерять стаж для пенсии. Вообще-то Рябовы называли дочку Федорой, а лишнее «о» перед буквой «д» она добавила себе сама, когда выросла. Ее отец

весьма гордился своим неизбитым именем, и позаботился, чтобы и дочери было чем гордиться. Федора – не какая-нибудь там Катя или Оля, это звучит и привлекает внимание.

Вниманием к своему имени Федора была сыта по горло. Как ее только не дразнили! И «Федориным горем», и Федором, и тетей Федей, и... Впрочем, она не любила вспоминать детство, школьные годы и полунищую юность. Недостаток материальных средств она компенсировала зубрежкой и незаурядным упорством в достижении цели – решила, что будет учиться на «пятерки», и добывала их потом и кровью. Решила, что после школы поступит в престижную Плехановку, и поступила. Правда, из-за недостатка денег пришлось после второго курса перевестись на заочное, ну да не беда, зато устроилась на работу, бухгалтером на склад промышленных товаров. По окончании института стала заведующей тем же складом. Место доходное, хотя особо не похвастаться: завскладом – не профессорша, не научный работник и не артистка. И снова Федора, теперь уже Феодора Евграфовна Рябова, компенсировала заурядность своей должности неусыпной заботой о внешности. От родителей она унаследовала средний рост, стройность, высокую грудь, пышные волосы и греческий профиль. Красота – дело наживное, что ей с блеском удалось доказать. Феодора умело красилась, причесывалась, подчеркнуто дорого и элегантно одевалась и даже специально брала уроки чувственной пластики – сначала у преподавателя театрального училища, а затем у руко-

водителя студии характерного танца. К тридцати годам она создала шедевр – самое себя.

Феодора понимала, что неземная красота требует еще и гибкости ума, некоторой эрудиции и оригинальности мышления. Желательно уметь вести светскую беседу, иметь благородные манеры и экстравагантное либо интеллектуальное хобби, а также излучать сексуальные флюиды. Ну и разбираться в мужской психологии. Именно мужчины олицетворяли для Рябовой хозяев жизни.

Крупными махинациями на своем складе она не занималась, побаивалась, «брала» понемногу и распоряжалась деньгами со смыслом и дальним прицелом. Что не тратилось на косметику, парфюмерию, тряпки и украшения – откладывалось. Так что жила Феодора отнюдь не роскошно. Сие положение вещей она считала недостатком, на устранение которого не стоило жалеть сил. Она их и не жалела. Только на этом жизненном этапе ее намерения встретили неожиданное сопротивление.

Феодора сделала ставку на замужество. Она осознавала, что возраст ее перевалил за тридцать, и хотя выглядела она на двадцать восемь, годы неумолимы. Завтра красота поблекнет, взамен легких морщинок появятся глубокие, под глазами образуются мешки, у губ – складки, отвиснет подбородок, грудь потеряет упругость... словом, до наступления катастрофы следует принять меры по обретению состоятельного супруга, способного обеспечить ее будущее.

Несколько выгодных партий сорвались – претенденты на руку и сердце со временем теряли кто должность, кто имущество, а кто здоровье. Крепкие хозяйственники и чиновники среднего ранга металась в поисках места под солнцем, им было не до женитьбы, а тем более не до развода и второго брака. В высшее общество Феодора была не вхожа, а искать жениха среди неимущих ей и в голову не приходило. Итак, ее усилия пропали даром, она осталась у разбитого корыта.

Когда Феодоре предложили с должности заведующей перейти на место бухгалтера, она опомнилась, осмотрелась и ужаснулась – больших денег не нажито, красота вянет, возраст опасно приблизился к сорока! На что ушла ее жизнь? Родители состарились, подруги обзавелись семьями, а что же она, Феодора? Где тот волшебный остров ее мечты, к которому она стремилась?

– На вторые роли я не согласна, – сказала она себе. – Ни за что! Никогда! Мало ли испытано унижений, пройдено нелегких дорог, затрачено усилий? Я или добьюсь своего, или...

Феодора предпочитала оставить эту мысль неоконченной. Остров ее мечты забрезжил в тумане воображения. Смолodu она хотела побывать на Крите, там, где, по преданию, купалась в сапфировых водах богиня-воительница древних греков Афина и куда Зевс привез похищенную им красавицу Европу. Крит с его роскошными гостиницами и золотыми пляжами служил для Феодоры неким символом того образа жизни, к которому ее влекло. Она не смогла бы до конца

объяснить это мистическое притяжение.

Не собираясь переходить из заведующих в бухгалтеры, Феодора уволились по собственному желанию, подсчитала накопления и купила дорогую туристическую путевку на Крит. Осенью, когда деревья в московских аллеях и парках пожелтели, а тротуары покрыла опадающая листва, она улетела на остров. То была ее первая поездка за границу.

Овеянный легендами остров очаровал Рябову. Взглянув в синее критское небо, она забыла о Москве, о своем одиночестве, о возрасте и даже о призраке безработицы. Она словно и не думала возвращаться.

– Стареющая хищница, – шептала Феодора, глядя на себя в зеркало гостиничного люкса. – Уже не назовешь неотразимой, но все еще в силе. Меня ждет последний бой, который я не могу проиграть.

Она окунулась в неповторимую атмосферу Крита, напоенную запахами кипарисов, апельсиновых рощ и дыханием тысячелетий. Бродила узкими улочками, наслаждалась журчанием изысканных фонтанов, любовалась остатками крепостных стен, мечетями и минойскими развалинами. Вблизи знаменитого Кносского дворца, вернее, того, что откопали и реставрировали археологи, Феодора и встретила с *ним*. Слова экскурсовода о многочисленных запутанных помещениях дворца царя Миноса, о световых колодцах, лестницах, святилищах и настенной живописи звучали как бы издалека. Мужчина, с которого она глаз не сводила, словно только что со-

шел с яркой минойской фрески – гибкий длинноногий красавец с тонкой талией и широкими плечами, с черными волосами до плеч. Правда, вместо традиционной древней набедренной повязки и пышного головного убора из перьев он был одет в майку и шорты, смотрел по сторонам рассеянно, переговаривался с охранником, следовавшим за ним по пятам. Он выглядел моложе Феодоры лет на десять-пятнадцать. Она замедлила шаг и прислушалась: мужчина говорил по-русски! Ей несказанно повезло: он оказался ее соотечественником.

Хищница вышла на охотничью тропу. Феодора понимала: придется пустить в ход все свое искусство, превзойти самое себя, чтобы привлечь внимание молодого человека. Его звали совсем не по-минойски, Владимиром, а его фамилия заставила сердце женщины сладко содрогнуться. Корнеев! Сын известного московского бизнесмена, состояние которого насчитывает, только по официальным источникам, несколько миллионов долларов.

Владимир Корнеев был молод, красив изящной, несколько женственной красотой, замкнут, насторожен, нервен, экзальтирован, чрезвычайно интересен и, самое главное, холост. Дамы, куда более юные и прекрасные, чем Рябова, претендовали на внимание Корнеева-младшего, откровенно кокетничали с ним, добиваясь его расположения. Однако Владимир оставался равнодушен, гулял только со своим охранником, обедал в ресторане отеля, а по вечерам допоздна иг-

рал в бильярд. Ходили неподтвержденные слухи, что он гей.

– Я ничего не должна принимать в расчет, – твердила себе Феодора. – Ничего, кроме того, что передо мной свободный богатый мужчина. Не беда, что деньги принадлежат его отцу. Эта проблема когда-нибудь разрешится. По всему видно, что папик ни в чем не ограничивает свое чадо.

После встречи с Корнеевым на развалинах кносского дворца Феодора не спала всю ночь, и в ее гордо посаженной, похожей на бюст Артемиды, голове родился план.

* * *

Москва. Октябрь

Проскуров просидел у Евы и Смирнова чуть ли не до утра, рассказывая о своей жизни, запоздалой любви, женитьбе и, конечно же, о Нане – целомудренной, тоненькой грузинке, изучающей искусство и почитающей старинные традиции гор. Уходя, он оставил ряд адресов, которые могли понадобиться сыщику, и фотографию жены: удлиненное лицо с нежной линией скул; глаза газели, опущенные длинными ресницами; темные губы аккуратной формы; густые черные волосы, заплетенные в две косы.

– Она так и ходит, с косами? – удивилась Ева, рассматривая снимок.

– Да! – с восхищением подтвердил покинутый супруг. –

Косы – первое, что поразило меня. Знаете, какие они шелковистые, блестящие, с вьющимися кончиками? Когда мы впервые появились с Наной в ресторане, все провожали ее взглядами.

Смирнов хмыкнул.

– Косы становятся экзотикой, – сказал он. – А как насчет «волос долог, а ум короток»?

– Это не про Нану, – обиделся Проскуров.

Ева поспешила замаять неловкость. Впрочем, за окнами уже забрезжил хмурый рассвет, и гость засобирался домой.

– Может быть, удастся поспать пару часов, – улыбнулся он на прощание. – В одиннадцать у меня назначена деловая встреча.

– И что ты об этом думаешь? – спросил Смирнов, когда за Эдиком закрылась дверь и они с Евой вернулись в гостиную.

– У горцев принято похищать любимых женщин. Пуще всего они заботятся о своей чести и соблюдении законов предков. Вдруг Нана их нарушила? Кровная месть и все такое...

– Сейчас? – возразил Всеслав. – Не смейся меня, дорогая. В наши дни девушку не хватают на улице, не заворачивают в бурку и не увозят в горный аул. Не забывай, что Нана уже не невеста, а жена Проскурова! По законам гор, в жены настоящему джигиту она не годится.

– А если ее убили? Если у нее был грузинский жених, а она ему изменила, обманула...

– Ба-ба-ба! – перебил сыщик монолог Евы, грозивший затянуться. – Полились фантазии, как из рога изобилия. Во-первых, дав слово другому мужчине, Нана не стала бы встречаться с Эдиком. Грузинские девушки так себя не ведут. Даже если бы и приключился подобный грех, она бы обязательно призналась мужу. Во-вторых, почему горец не умыкнул невесту до свадьбы? Тем более что Проскуров и Нана венчались в Грузии. Куда удобнее, не находишь?

Ева недовольно промолчала, возразить было нечего.

– Знаток поведения грузинских девушек! – фыркнула она. – Как ты собираешься приступить к поискам?

– Как обычно, с опроса друзей и знакомых.

– А твой отдых?

– Если бы не меткий огонь Эдика, отдыхал бы я уже в сырой земле, – усмехнулся Смирнов. – Пришла пора должок возвращать. А я всегда плачу исправно.

Ева вздохнула. Взяла фотографию Наны, поднесла к глазам, выразительно произнесла:

– Мне кажется, жена твоего друга жива. Мертвые выглядят иначе.

– Тренируешь экстрасенсорные способности? И как это ты определила?

Она пожала плечами:

– Интуиция.

Интуицию Славка уважал. Она не раз выручала его в сложных обстоятельствах, выводила из тупиковых ситуаций.

Если Нана жива – прекрасно. Живых искать куда проще, чем мертвых.

– Из дома она ушла сама, если верить Эдику. А у меня нет оснований подозревать его во лжи. Значит, надо установить сферу интересов Наны, круг ее друзей-приятелей, поговорить с наперсницей девичьих грез, а таковая наверняка имелась, ну и с прочими случайными свидетелями: соседями, бывшими однокурсниками, парикмахершей, продавцами в магазинах...

– Участковым врачом, – хихикнула Ева. – И сотрудника-ми ЖЭКа.

– Не вижу ничего смешного, – невозмутимо произнес Смирнов. – Рутинка, к которой прибегают менее гениальные детективы, чем знаменитый Холмс или прозорливая мисс Марпл, есть процесс вымывания золотого песка из породы. Самородки попадают к счастливчикам, а основную массу золота добывают кропотливым трудом.

– Дело скучное, – поддела его Ева. – Ты будешь ужасно раздражаться и ворчать.

– Не исключено.

Смирнов брался только за те расследования, которые сулили раскрытие тайны путем интеллектуального анализа и логики. Он погружался в коридоры и закоулки разума, самозабвенно бродил по ним в поисках ответов на вопросы.

Ева неожиданно стала его незаменимым помощником: она постигала вещи интуитивным прозрением. Тайники под-

сознания служили ей тем недостающим элементом, отсутствие которого оставило бы множество преступлений нераскрытыми. Сплав интеллекта, логики и сверхчувствования оказался практически беспроегрешным вариантом.

– Может быть, сама Нана ни при чем, – заявил вдруг сыщик. – Ее похитили, чтобы надавить на Эдика. Странно только, что пока никто не объявился и ничего не потребовал. Три дня – уже срок!

– Ладно, занимайся пока рутинной, – благосклонно кивнула Ева. – А я пойду на урок.

Ева Рязанцева преподавала испанский язык частным образом, обычно у нее обучались несколько человек, желающих овладеть разговорной речью и навыками чтения. Это были будущие жены иностранцев; люди, выезжающие в Испанию на заработки, или представители фирм, открывающих там свои филиалы. Последние обычно уже знали язык и оттачивали свое умение, а остальные начинали с азов. И те и другие были по-своему интересны Еве. Но сыск интересовал ее куда сильнее.

По дороге к клиентке Ева думала отнюдь не об испанской грамматике, ее занимал вопрос – где и как провела истекшие три дня Нана?

Тем же был озадачен и Смирнов, начавший обзванивать людей, телефоны которых любезно предоставил ему Эдик. Записную книжку Наны супруг не нашел – по-видимому, она носила блокнотик в сумочке и захватила его с собой. Мо-

бильный телефон Наны тоже исчез – Проскуров многократно набирал номер жены, но безуспешно.

– Или батарея села, а зарядить нигде, или связи нет, – предположил он. – Возможно, деньги на счету закончились.

– Или Нана отключила телефон, – добавил сыщик свой вариант. – Чтобы он ей не мешал.

– Как это «не мешал»? Ты что имеешь в виду?

– Я привык обдумывать все, – решительно сказал Смирнов. – Телефон могли украсть, разбить, он мог потеряться. Десятки причин.

Проскуров в ужасе закрывал глаза, бледнел.

– Если с Наной что-нибудь случится, не знаю, как я переживу!

С ней уже что-то случилось, подумал сыщик, но промолчал. Лишние слова делу не помогут, а товарищ расстроится. Годы, бизнес, обеспеченное существование изменили Эдика: из отчаянного, сумасбродного, смешливого парня он превратился в сдержанного, предусмотрительного и степенного человека. Стильная одежда, дорогая машина...

– У тебя есть охрана? – спросил Всеслав.

– Только в офисе и магазинах. Не люблю сопровождающих. Я не миллионер и не криминальный авторитет, чтобы опасаться за свою персону. У Наны тоже охраны не было, – предупредил он следующий вопрос Смирнова. – По-моему, это смешно: окружать себя телохранителями. От пули не спасет, а чувствуешь себя как заключенный на про-

гулке. Популярные личности, звезды там разные, политики – это понятно. А я привык сам за себя отвечать. Не велика шишка!

Смирнов набирал номер за номером, прокручивая в памяти вчерашний разговор с Проскуровым. Парикмахерская, «Пицца на дом», стоматолог, телефоны двух приятельниц Наны. Никто ничего не знал о ней. На приеме у зубного врача она была еще до свадьбы, ставила новую пломбу взамен выпавшей. Пиццу заказывала часто – уже на их с Эдиком квартиру, последний раз неделю тому назад. Подругам и знакомым не звонила давно, она вообще являла собой замкнутую, погруженную внутрь себя натуру. Женственность Наны, насколько мог судить сыщик, складывалась из ее застенчивой, милой внешности, молчаливости, которую принимали за скромность и стыдливость, а также скрытности. В девичестве Нана Метревели окружила себя непроницаемым кольцом отчуждения.

Из ее увлечений известны были только искусство, что совпадало с предметом изучения, и любовь к древней поэзии. Круг друзей Наны суживался до двух-трех студенток из ее же группы, мужчины же в нем отсутствовали. Она слыла недоугой, чудачкой и «синим чулком», отпугивая крайней холодностью и равнодушием молодых людей, желающих с ней познакомиться. Нана не принимала никакого участия в общественной жизни института – ее не видели ни на вечеринках, ни на праздниках, ни на студенческих «капустниках»,

КВНах, конкурсах и олимпиадах. Она ни с кем не откровенничала, не поверяла никому своих секретов, не делилась сердечными тайнами. Самой близкой ее подругой считали Катю Сорокину.

Смирнову повезло, он застал Катю дома, и она согласилась с ним встретиться. В кафе «Волна» сыщик занял столик у круглого окна-иллюминатора; до прихода молодой дамы он любовался тусклым оловянным блеском реки, обдумывал предстоящий разговор.

Катю он узнал сразу, как только та вошла в полутемный зал и обвела растерянным взглядом немногочисленных посетителей. Она оказалась невысокого роста, полной, одетой с истинно богемной нелепостью: в яркие, ниже колен, широкие зеленые штаны, три слоя разноцветных кофточек и накиннутую на плечи распахнутую курточку.

Смирнов поднялся и помахал даме рукой, она радостно оживилась, поспешила к столику. Что общего находили Катя и Нана при таких разных вкусах в одежде? Представить их рядом было невозможно.

После короткого раздумья Катя заказала себе двойное ассорти из морепродуктов и пиво, а Всеслав – рыбную котлету с гарниром из овощей и томатный сок.

– Вы вегетарианец? – подняла тонкие бровки подруга Наны. – Разве сыщики не едят мяса? По-моему, наоборот.

– Правильно, – кивнул он. – Просто у меня сегодня рыбный день. А вегетарианцы, кажется, питаются исключительно

но растениями. Буряк, репа, полусырой рис. Гадость.

Девушка весело засмеялась. Она любила поесть и не стеснялась своей полноты и хорошего аппетита. Катя принялась жевать мидии, с интересом поглядывая на Смирнова.

– Когда вы начнете меня допрашивать? – не выдержала Катя. – И по какому поводу?

– Не допрашивать, а беседовать. Хочу поговорить с вами о Нане.

Большие круглые глаза толстушки чуть не выскочили из орбит.

– О Нане? Вы серьезно?

– Когда вы видели ее в последний раз?

Катя перестала жевать и потянулась за пивом. Вопрос насторожил ее.

– Так спрашивают, когда человека... когда с человеком что-то случается, – пробормотала она, сделав несколько глотков. – Нана жива? Что с ней?

– Это я и пытаюсь выяснить, – понизил голос Всеслав. – Надеюсь, разговор останется между нами?

– Конечно, только... я ничего не знаю. После выпуска мы с Наной виделись один раз, поговорили, она намекала, что собирается замуж. Это меня удивило!

– Почему?

– Ее не интересовали мальчики... – Катя кашлянула, слегка покраснела. – То есть мужчины. Если она с кем-нибудь встречалась, то не из наших, не из студентов или педагогов.

Нана очень скрытная, я даже советовала ей обратиться к психологу. Мы с ней сблизились уже на третьем курсе, а до того у нее, кажется, вообще не было подружки. Новость о ее замужестве меня ошарашила. Разумеется, она ни словом не обмолвилась, кто ее жених.

– Вы не расспрашивали?

– Бесполезно! – улыбнулась Катя. – Нана делает только то, что хочет. Мы сдружились из-за моего покладистого характера – я не лезу в душу, ничего не требую и принимаю людей такими, какими их создал Бог.

– Нана вас не обманывала, она действительно вышла замуж.

– Надо же! На свадьбу не пригласила... на нее похоже.

– Через месяц после венчания Нана ушла из дома супруга.

Он ее разыскивает.

– Да вы что?! – Толстушка бросила вилку и во все глаза уставилась на Смирнова. – Тихони все такие... непредсказуемые.

– У вас есть какие-либо предположения на сей счет?

Она с искренним изумлением развела пухлыми ручками.

– Никаких. Совершенно! Ну и дела!

– Не замечали за Наной каких-либо странностей? – спросил сыщик. – Чего-то необычного?

– По современным меркам Нанка – сплошное недоразумение. Это нас и сблизило. Я обожаю все нестандартное, а тут – грузинка-тростинка с косами ниже пояса, чудо! На меня в

детстве фильм один произвел впечатление, «Песня гор» называется. Там тоже была девушка – хрупкая, тонкая, с опущенными глазами, с ресницами на полщеки...

Все старания Смирнова выудить из Кати Сорокиной хоть какие-то полезные сведения закончились ничем. Он дал ей визитку и попросил позвонить, если Нана объявится.

Глава 3

Крит. Год тому назад

Замысел Феодоры был нелегким для исполнения, зато обещал произвести эффект. Знакомство с ней должно поразить Корнеева, а еще лучше – потрясти. Следовало скрыть свой возраст, принадлежность к среднему классу, а не к элите, некоторые огрехи во внешности, весьма прозаическую профессию и неблагозвучную фамилию. Феодора даже к среднему классу относила себя с натяжкой. О внешности и говорить нечего – вокруг Владимира вились юные модели, дочери из богатых семей, восходящие эстрадные звездочки. Они словно нарочно съехались на Крит именно сейчас, чтобы помешать Феодоре. Ну, она не лыком шита! В отсутствие природной красоты и больших денег, а теперь и молодости, провидение наделило ее незаурядным умом – изворотливым, блистательным, цепким, как дикий плющ. Главное – зацепиться, а там уж она обовьет смертельными петлями: не отдерешь.

На осуществление плана Феодора отвела себе неделю. Медлить ни к чему! Но и торопиться следует с расчетом, выверяя каждый шаг. Она приступила к тщательному изучению поведения Корнеева: где, когда и как он проводит время, какие у него привычки, долго ли он спит и что ест. Ря-

бова часами наблюдала из-за черных очков за молодым человеком, незримой тенью скользила за ним повсюду — она изучила его маршруты, меню, окружение и распорядок дня.

Корнеев, естественно, не замечал Феодоры, как он вообще не замечал женщин. Разговаривая с ними, сталкиваясь на пляже или в ресторане — по их инициативе, — молодой повеса смотрел на дам стеклянным взглядом, отдавая дань вежливости. Все его существо при этом выражало нетерпение: когда же ты уберешься наконец, прелестная оболстительница? Твои чары бессильны, ты меня утомляешь!

Эта мысль настолько ясно читалась на его лице, в каждом его жесте, что девушки терялись, приходили в замешательство и долго оставались в недоумении. Затем отступали, чистили перышки, перестраивали ряды и шли в новую атаку.

Феодора отвергла столь вульгарный путь к сердцу избалованного мужчины. Она прислушивалась к каждому его слову и вздоху, подмечала каждую легкую тень, пробегающую по его лицу, каждую гримасу неудовольствия и улыбку — настолько, насколько условия позволяли сделать это незаметно. Она открыто пронизывала интригующими взглядами охранника, минуя хозяина.

Корнеев же, пресыщенный увеселениями, стремился к уединению. Он часами пропадал в Ираклионском музее, ездил в пещеру, где, по преданию, родился Зевс, осматривал византийские монастыри и венецианские крепости. Но особенно его влекли минойские развалины, остатки знаменито-

го Кносского дворца-лабиринта и его история.

Согласно легенде, критский царь Минос был сыном финикийской царевны Европы и бога Зевса. Бог воспылил страстью к красавице, обратился в белого быка, похитил девушку и доставил ее на Крит. Очевидно, священное совокупление с быками стало традицией в семье Миноса, так как его супруга Пасифая последовала примеру свекрови и сошлась с богом Посейдоном, который также принял образ быка. От этой связи появился на свет Минотавр – чудовище с туловищем человека и головой быка. Миносу пришлось искать выход из положения: он выстроил огромный подземный лабиринт, погруженный во мрак, и заключил туда свирепого родственника. Минотавр питался исключительно человеческим мясом, поэтому кносский владыка обязал Афины поставлять ему регулярно по семь юношей и девушек, дабы накормить чудовище. От этой страшной дани Афины смог избавить герой Тесей – с помощью Ариадны и ее путеводной нити он проник в лабиринт и убил Минотавра. Та же волшебная нить помогла победителю выбраться из запутанных подземных переходов.

Что это? Зловеще красивая сказка? Или невероятная быль?

Еще Гомер упоминает в своей «Илиаде» царя Миноса, который правил в городе Кноссе задолго до Троянской войны. Но «Илиада» – не исторический трактат, а литературное произведение, рожденное воображением автора. Именно так

склонны были считать ученые. Кто же всерьез воспринимает мифы и сказания? Великие сражения и путешествия, фантастические подвиги, боги и герои – все это всецело плоды вымысла.

Так ли? – не согласился с общепринятым мнением Генрих Шлиман. Он поверил Гомеру и обнаружил в Малой Азии развалины Трои.

Шли годы. Состоятельный любитель древностей Артур Эванс, вдохновленный примером Шлимана, решил: раз легендарная Троя существовала на самом деле, то мог существовать и Кносс. В начале двадцатого века он начинает раскопки на острове Крит и обнаруживает колоссальный дворец-лабиринт. Открытая Эвансом цивилизация явно не была греческой, и археолог называет загадочную культуру минойской, по имени мифологического царя Миноса.

Как бы там ни было, а минойские росписи и художественные изделия пронизаны мотивами поклонения божеству-быку. Ему приносились обильные жертвы, в том числе и человеческие. Игры с быками, изображенные на минойских фресках, носили отнюдь не развлекательный характер, как, например, испанская коррида, а имели четко выраженный ритуальный смысл. До сих пор непонятно какой. Минойская письменность так толком и не расшифрована. Нет однозначного объяснения и причин гибели этой цивилизации. Природная катастрофа? Иноземное вторжение? Гнев богов?

Нераскрытые тайны продолжают привлекать людей. На

развалины Кносского дворца приходят толпы туристов, вот и Корнеев не исключение.

Феодора внимательно изучила наряды ушедших в небытие минойских дам. Любили те женщины хорошо одеться, накраситься, знали толк в украшениях, и парикмахерское искусство было у них превосходно развито.

Сама Рябова в моде предпочитала простоту, изысканную элегантность и мягкие нюансы. Женщины древнего Крита являлись ее полной противоположностью – судя по настенным росписям, они обожали пышность, роскошь и пестроту красок. Дамы забытых времен явно злоупотребляли косметикой, носили одежду, подчеркивавшую линию бедер, утягивали донельзя талию и оставляли практически обнаженной грудь. Широкие юбки с воланами и оборками, тесный жилетик с безмерно глубоким вырезом, откуда выглядывал бюст, множество драгоценностей на руках и шее, сложная прическа с диадемами и шпильками, вплетенными бусами, перевитая цепочками, – вот праздничное облачение минойской кокетки. Можно говорить о влиянии ярких красок неба, цветущих садов и моря или традиций Востока, если бы истинные корни минойской культуры были известны.

Итак, пять из отведенных Феодорой дней на осуществление ее цели истекли. Еще два она потратит на приобретение необходимых атрибутов для предстоящего действия. Не до конца представляя себе, как все произойдет, она уповала на импровизацию, вдохновленную атмосферой древнего Кри-

та, аурой легендарных развалин и витающим в сухом, жарком воздухе духом загадочной и жестокой игры, божественных приключений, ритуального священнодействия. Лежавший в руинах Кносский дворец – не просто бывшее жилище царя Миноса: это логово мифического чудовища, место жертвоприношений, мрачный мистический лабиринт, куда с содроганием спустился афинский царевич Тесей, чтобы убить Минотавра. Без помощи женщины он был обречен на гибель.

Блеск золота, запах крови, страх, отчаяние и любовный порыв, дыхание тайны не выветрились из этих тысячелетних камней, их все еще можно ощущать здесь, среди остатков красных колонн, крипт¹ и настенных росписей. Великие и жуткие тени все еще блуждают по раскопкам – оттого так и влечет сюда туристов. Потому и приходит сюда снова и снова Корнеев, внешне столь похожий на минойского принца или жреца. Впрочем, в Кноссе, кажется, светская и духовная власть осуществлялась одним лицом.

– Может, Владимир раньше меня догадался, почему его волнуют минойские руины? – шептала Феодора, бродя по шумным, пыльным базарам, от прилавка к прилавку, из магазина в магазин. – Если нет – я подскажу ему!

К исходу дня она наполовину опустошила свой счет, снимая по карточке накопленные деньги и тут же тратя их. Игра стоила свеч! Осуществление этого замысла поможет Ря-

¹ Крита – сводчатое подземное помещение.

бовой никогда больше не заботиться о финансах.

* * *

Москва. Октябрь

У Эдуарда Проскурова все валилось из рук. Его налаженная, размеренная жизнь пошла прахом. Он не ожидал от себя таких бурных эмоций. Думал, что все переживания и душевные драмы остались позади, в шумной боевой молодости, которая началась в казарме Рязанского десантного училища, где они со Смирновым впервые встретились, и продолжалась в подразделении спецназа на жарких дорогах Кавказа и прочих горячих местах. Эдик воевал умело и храбро, но по истечении нескольких лет понял, что ввязался не в свое дело. Любовь к оружию, к искусству и красоте боя он ошибочно принял за желание этим самым оружием пользоваться для убийства людей. Чтобы убедиться в собственном заблуждении, надо попробовать. Настоящая война прилась Эдуарду не по душе, и когда их подразделение расформировали, он подал рапорт на увольнение и вернулся к гражданской жизни.

Проскуров решил заниматься торговлей оружием, для чего обратился к приобретенным во время войны связям. И снова понял, что попал не туда. Однако запущенная машина опасного бизнеса работала, и остановить ее было Эдику не по

силам. Спрыгнуть на ходу тоже не получалось, лишь с огромным трудом ему удалось кое-как расторгнуть договоренности и уйти в сторону. В течение года Проскуров скрывался у бывшего школьного товарища на таежной делянке, близ затерянного в лесах поселка Теплый Ключ. Пацан, с которым Эдик сидел за одной партой, ударился в религию, уехал из Москвы в таежную глухомань и работал там лесничим. Изредка от него приходили письма – по обратному адресу Проскуров нашел школьного друга. Тот принял гостя радушно, ни о чем не спрашивая.

– Живи, сколько надо, – сказал. – Ружье у меня второе есть, дичи в тайге полно. Стрелять умеешь?

– Умею, – хмуро ответил Эдик. – Опять стрелять! Видно, судьба. А как же ты, божий человек, зверя бьешь?

– Так ведь я для еды только, – не обиделся лесничий. – Сие не есть грех.

Раз в два месяца они ездили с делянки в Теплый Ключ за почтой и продуктами. Там на исходе лета попалась Проскурову в руки газета с заметкой о громком заказном убийстве в столице. Он понял, что само провидение избавило его от главного врага и теперь можно вернуться домой.

– Побуду у тебя еще месяц, – сказал Эдик бывшему однокласснику. – Подумаю, как жить дальше.

– Оно полезно бывает, – с пониманием кивнул тот.

Таежное житье наводило на философские мысли. Лесничий больше помалкивал, за веру не агитировал, идеологию

Иисуса Христа не навязывал. Проскуров тоже ему вопросов не задавал, решил сам определяться.

– Грехов на мне много, – сокрушался он иногда. – Хочу жить с чистым сердцем. А как? В городе не получается.

– Оставайся здесь, места хватит.

– Не-а, не смогу. Скучно, – качал головой Эдик. – Тихо тут, как в раю. Видать, я для пекла родился. Передохнул, и довольно.

Через месяц лесничий проводил его до поселка, попросил знакомых геологов подбросить друга до станции. В поезде Проскуров беспробудно спал, и снились ему перестрелки, погони и засады, боевые соратники, ночные вылазки. Когда подъезжали к Москве, бывший спецназовец осознал, что его война так и не окончилась.

– Нет, хватит, – прошептал он, спрыгивая на платформу. – Пора мечи менять на орала. Займусь-ка я мирной коммерцией.

Нажитый с риском для жизни полулегальным путем капитал позволил Эдуарду открыть два небольших магазина. Он продолжал продавать охотничье оружие, разные приспособления для охоты и рыбалки, туристический инвентарь. Дела пошли славно, бизнес расширялся, Проскуров осуществлял новые проекты, с головой окунувшись в процесс предпринимательства.

Его частная жизнь не отличалась разнообразием – офис, поездки, дом, застолья, изредка сауна.

– Ты что, от себя бежишь? – однажды спросил Проскурова его партнер. – Или забыться хочешь?

– Я от войны бегу. Как взгляну на оружие, на ружье классное или нож – руки чешутся. Нет-нет да и мелькнет воспоминание о боевых буднях. Рожденный сражаться торговлей успокоиться не может.

– Почему же тогда из спецназа ушел?

– Убивать не нравится.

– Непонятный ты мужик, Проскуров. То говоришь, рожден сражаться, то убивать тебе не по вкусу. Так не бывает.

– Я и сам запутался, – соглашался Эдик. – Разобраться в себе не могу. Душа, наверное, темная. Руки к оружию тянутся, а сердце по любви тоскует. Бытие – вообще штука сложная. Вот скажи, что в тебе сильнее, любовь к жизни или страх смерти?

– Черт его знает!

– То-то.

– Жениться тебе пора. Семья – хорошее лекарство от лишних размышлений.

Проскуров легко вступал в связи с женщинами и так же легко их обрывал. Но жениться не торопился. Жена, по его представлению, должна быть красивой, умной, скромной, бескорыстной и целомудренной. Чистой, как мадонна. То есть до брака чтобы с другими мужчинами – ни-ни, без шалостей! А где такую взять?

Периодически его знакомили то с одной, то с другой пре-

тенденткой в невесты. Эдуард охотно начинал ухаживать и неизменно разочаровывался. Женщины попадались красивые, но недалекие. Они так откровенно рассчитывали на его деньги, что становилось противно и... обидно. Выходит, кроме кошелька, у него нет никаких достоинств?

– Ну, ты и переборчивый жених! – подтрунивали над Проскуровым приятели. – Ищешь ангела во плоти? Смотри, нарвешься!

После таких разговоров он становился еще осторожнее и подозрительнее. В конце концов почти смирился с неизбежным – с браком по расчету с нелюбимой, но мало-мальски подходящей девушкой. Пусть не блещет умом, но чтобы была не распущенная и видела в муже не только источник средств существования, а хотя бы друга, если уж не возлюбленного.

Встреча с Наной показалась ему неслыханной удачей. Все-таки не стоит подавлять свои желания, несмотря на то что окружающие считают их завышенными. Каждая мечта имеет свое земное воплощение. Для него таким воплощением явилась Нана. Ее внешность, воспитание, характер, принципы были выше всяких похвал. Она затмила собой тот образ невесты, который создал в своем воображении Проскуров. Это стало любовью с первого взгляда, существование которой он решительно отвергал.

«Нана – необычная девушка, – думал Эдик. – Она послана мне Богом!»

Он так растрогался, что написал письмо лесничему в тайгу и получил от него благословение.

Проскурову пришлось побегать за Наной, чтобы завоевать ее расположение. Девушка не торопилась отвечать ему взаимностью. Она предъявила еще более строгие требования к будущему супругу, чем можно было ожидать.

– Я люблю тебя, – твердил Эдик, пребывавший до сего момента в полной уверенности, что таких слов он никогда и никому не скажет.

Любовь в романах, а в жизни – симпатия, привязанность, половое влечение. С Наной все складывалось по-другому, и сам Проскуров стал другим: нежным, сентиментальным и страстным. Правда, страсть он сдерживал – до свадьбы. Эдик сходил с ума от ее гибкой талии, маленькой груди, глаз, ресниц и кос, шелковистых, густых, слегка выющихся. Такие косы он видел на Кавказе у молодых чеченок, а в Москве – ни у кого.

Проскуров сделал Нане предложение и... получил отказ. Это его ошеломило. Казалось, девушку не интересовали ни его деньги, ни его страдания. Сначала она отказывалась даже брать подарки, – мелочи: духи, недорогие украшения, книги по искусству.

– Это обязывает, – с холодноватой улыбкой говорила она. Эдик клялся и божился, что ни о каких обязательствах речи не идет. С трудом, со скрипом и приложением колоссальных усилий с его стороны лед тронулся. Нана проника-

лась к нему тем чувством, которое он хотел в ней вызвать, но боялся назвать любовью. Проскуров безумствовал, она же смущенно опускала черные как смоль ресницы, краснела.

Из-за какой-то дикой, глупейшей ревности он не знакомил Нану ни с друзьями, ни с родственниками. Боялся спустить счастье.

– Поженимся – тогда! – как заклинание повторял Эдуард. – Познакомлю ее с мамой, съездим к ее родителям в Тбилиси.

Заговаривать о женитьбе во второй раз он не осмеливался. Любовь к Нане до неузнаваемости изменила Проскурова. Он пустил дела на самотек, чего раньше себе не позволял, находился в постоянном возбуждении и мечтал об этой девушке. Она вела себя странно, избегала оставаться с ним наедине, неохотно соглашалась появляться вместе в общественных местах. У Эдуарда даже закралось подозрение, что у Наны есть в Грузии жених. Он прямо спросил ее об этом.

– Не выдумывай, – улыбнулась Нана. – Ты привык общаться с вульгарными, бесстыжими женщинами, которые озабочены сексом. У них одна цель – любой ценой отхватить состоятельного мужа. Я же дала себе слово, что выйду замуж только по взаимной любви. У нас не принято допускать вольностей до свадьбы.

Ее оговорка дала Проскурову надежду. Замирая от сладостного предчувствия, он снова рискнул предложить Нане руку и сердце. На сей раз она согласилась.

– Не будем устраивать пышных торжеств, – попросила невеста. – Любовь не выставляют напоказ. Интимное должно свершаться тайно.

Они поехали в Грузию. Нана показывала жениху храмы и монастыри в горах, легендарный Терек, воспетые поэтами места. Она читала стихи, написанные влюбленным Пушкиным.

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною,
Мне грустно и светло, печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою...

Эдик не имел большого опыта отношений с женщинами, – он не переживал отчаянных романов, общался с дамами легкомысленными, свободного нрава. Они любили выпить, вкусно поесть, выкурить сигаретку и предаться бурным ласкам в мягкой постели. Нана была не похожа ни на одну из них. Она казалась существом неземным, выросшим в заповедной тени величественных гор – женщиной-эльфом, феей, сотканной из лунных туманов. Ее душа только чуть приоткрывалась перед изумленным взором Проскурова, а он уже млел от восторга. Он и не мечтал о такой супруге!

Венчание в храме, сложенном из грубых природных камней, первая брачная ночь на твердом, застеленном шкурами и душистыми простынями ложе, в тишине, существующей до начала времен, молодое виноградное вино, обжигающее

губы, одинокая свеча на деревянном столе, робкие, стыдливые ласки молодой жены затмили сознание Эдуарда. Ни одна самая опытная, самая изобретательная девица не заводила его так.

Ветер шелестел в кроне старого ореха. Звезды за окном, крупные, непривычно близкие, яркие, отражались на заснеженных хребтах, словно лучи из очей первозданной вселенной...

Знакомство с четой Метревели, родителями Наны, прогулки по Тбилиси, обеды в маленьких уютных ресторантиках прошли как в забытии. Прозрачный воздух гор, треск дров в каменном очаге, дрожание свечи, восторги и первые стоны любви намертво врезались в память Проскурова.

В Москву он вернулся пьяным от наваждения, от страсти, помутившей разум. Нана завладела им безраздельно. Кто бы мог подумать? Недели, проведенные в городской квартире, показались ему искушением дьявола. Он больше не принадлежал себе. Все его помыслы, стремления, вся его жажда жизни сосредоточились на этой холодноватой, умопомрачительной женщине. Княжна Гор, как он в шутку называл жену, похитила его душу.

Пир наслаждений оборвался внезапно и страшно. Однажды, вернувшись в обеденное время домой, Эдуард не застал Наны. Она не пришла ни вечером, ни на следующее утро. То, что чувствовал Проскуров, обзванивая ее немногочисленных подруг, больницы и морги, не поддается описанию.

Не обнаружив Наны среди мертвых и чуть успокоившись, он прошелся по квартире. Деньги, украшения, вещи жены и даже ее документы лежали на своих местах. Замки на дверях были целы, никаких следов пребывания посторонних в квартире он не обнаружил. Нана ушла без спешки, по-видимому, по своей воле, в том, что на ней было, с сумочкой в руках, словно в магазин или на прогулку. Но, во-первых, по магазинам они предпочитали ходить вдвоем, не говоря уж о прогулках. Во-вторых, Нана оказалась домоседкой: она не увлекалась утомительной беготней по городу, имела весьма ограниченный круг знакомых, терпеть не могла ходить в гости или сплетничать с подружками. Куда она пошла посреди дня? Зачем? Что с ней могло случиться?

Проскуров пытался разыскивать ее своими силами, привлекая охрану и пользуясь старыми связями. Он надеялся, что если Нану похитили, то ему будут звонить и требовать выкуп, ставить какие-нибудь условия. Ничего похожего! Подавленный, убитый горем супруг принимал реальность за кошмарный сон или дурную шутку. На третий день начальник его охраны посоветовал обратиться к классному профессионалу. Лучше к частнику.

Эдик вспомнил о Смирнове. Насколько же он выбит из колеи, если до этого мысль о Славке не пришла ему в голову!

Глава 4

Крит. Год тому назад

Владимир Корнеев приехал на Крит впервые. На Канарах он уже был, Таиланд ему надоел, в Крыму сервис ни к черту не годился, в Турции жара невыносимая. Эйфелева башня, Елисейские Поля и пресловутый «Мулен Руж»? Помилуйте, сколько можно?! Египет с его пирамидами навяз в зубах, старушка Европа слишком чопорна, старомодна. Куда податься? В Швейцарские Альпы? Скука смертная. Лыжи он не любил, а в горах больше заниматься нечем. Разве что красотами любоваться. Так он этих красот видал-перевидал!

От тоски молодому человеку хотелось взвыть – в голос, по-волчьи. В казино, что ли, съездить, покуражиться? А за чем? Азартные игры Владимира не прельщали, карты, рулетка – да пропади они пропадом. Напрягаться неохота. Куда проще зайти в банк и снять «зелени» сколько надо. Папашин бизнес – лучшая рулетка в мире, беспроигрышная.

Крит подвернулся как нельзя кстати – знаменитая родина Зевса, колыбель угасшей цивилизации, предшествовавшей грекам. Мифической остров, где в темном подземном лабиринте томился быкоголовый сын бога и смертной женщины. Возможно, хоть это пощекочет его нервы?

Владимиру едва исполнилось двадцать шесть лет, а он уже

пресытился всеми радостями, которые дарит современный мир богатому человеку. Лазурное небо Крита, плеск прозрачных волн, набегающих на золотой песок, прохладный морской бриз и шум финиковых пальм заставили его взволнованно вздохнуть. Где-то здесь входили в гавань суда из древних Афин, на которых, трепеща, ждали ужасной участи пленники, доставляемые кровожадному Минотавру. На какое-то мгновение Владимиру показалось, что он видит прозрачные быстроходные критские корабли, слышит плеск весел, напряженное дыхание гребцов – вот он, скользит рядом высокий нос древнего судна, проплывает мимо низкая корма, выступающий назад киль...

Корнеев тряхнул головой, и наваждение исчезло. Он приложил руку к пылающему лбу – слишком жарко. Ощущение дежа-вю не покидало его с первого шага по сухой, выветренной земле острова. Раньше здесь все было иначе – сладкий ветерок приносил из кипарисовых лесов душистую прохладу; по склонам гор, поросших соснами и каштанами, бегали олени и дикие козы; в роскошных дворцах пиры сменялись ритуальными празднествами, и повсюду царил грозный фетиш – стилизованные U-образные рога священного быка.

Размах и масштабы минойских развалин поразили воображение Владимира. Бродя по камням Кносского дворца, он словно слышал звуки музыки, жреческих песнопений, шаги торжественного шествия царя и царицы, их блестящей свиты. Лица владык закрыты от взоров простых смертных. Уже

одно их появление на людях – сакральный священный акт. Разодетые в золото вельможи потрясают в воздухе лабрисами – топорами с двойными лезвиями.

В промежутках между этими видениями Владимир слушал экскурсовода, осматривал останки былого величия минойцев и не переставал удивляться. Оказывается, археологи везде находили символы топора с двойным лезвием разных размеров, а во дворце Миноса обнаружили комнату, на стенах которой было высечено множество изображений такого оружия. Ее даже называли «Залом двойных топоров». Выходит, дворец был не только жилищем, но и храмом?

Загадочный конец постиг не менее загадочную культуру минойцев. В один миг все подверглось ужасающим разрушениям, о чем свидетельствовал Тронный зал дворца: опрокинутый большой кувшин для масла, попадавшие прямо во время использования ритуальные сосуды, обломки, осколки, полный хаос. Что это было? Последняя отчаянная церемония умиловивления богов? Безумная попытка спастись?

Так или иначе, дворцы навсегда покинуты их обитателями и забыты на тысячи лет. Неужели неумолимый Посейдон ударил в землю древнего Крита своим трезубцем, что вызвало извержение вулкана и землетрясение? Или всемогущий бог лишил минойцев своего покровительства за какую-то провинность? И хлынувшие с материка завоеватели уничтожили некогда процветающую цивилизацию? А может быть, есть еще неназванная, скрытая причина подобной ка-

тастрофы?

Владимиру становилось не по себе, когда он оставался один на один со своими мыслями. Чем же дорожить в этой жизни? К чему стремиться? Развалины великих культур, обломки былого величия, слабое эхо утраченного могущества наводили на философские раздумья и лучше всяких проповедей раскрывали перед ним шаткость достигнутого благополучия, бренность любого богатства, эфемерность существования.

– Чему же посвятить отведенное мне время бытия? И кто распоряжается всем этим? Уж точно не политики и бизнесмены. Они сами – заложники неведомого провидения.

У молодого Корнеева, которому обеспеченная праздность предоставила возможности для поиска смысла и основ устройства мира, с некоторых пор появилась склонность к мистическим сферам жизни. Он начал угадывать за повседневными событиями волю управляющей невидимой руки. Было ли это на самом деле или создавалось игрой его воображения – Владимир не осознавал. Его взгляд на окружающих, на текущие дела, на возникающие проблемы, на взлеты и падения, на капризы судьбы неуклонно смещался в пользу незримого намерения. Чем больше он утверждался в существовании закулисного расклада карт неизвестных игроков, тем чаще задавал себе вопрос: «А какая роль уготована мне?» Поскольку четкого и ясного ответа не было, Владимир находился в ожидании подсказки. Неведомый игрок должен

подать ему знак!

Корнеев никому не говорил о своих догадках, ни с кем не делился впечатлениями. Потому что никто бы его в полной мере не понял. Существовал только один человек, который разделял его взгляды, и то Владимир колебался, может ли он всецело довериться этому человеку. Лучше уповать на истинного подсказчика.

Поездка на Крит послужила одной из таких подсказок. Целыми днями молодой человек, стараясь не обращать внимания на группы туристов, на их суету, галдеж и шелканье фотоаппаратов, осматривал достопримечательности древнего острова. Снова и снова он возвращался на развалины дворца царя Миноса. Здесь он должен получить знак! Почему вдруг у Владимира возникла подобная уверенность, он и сам не мог объяснить. Возникла, и все.

Ожидание нарастало, накатывало лихорадочными приступами нетерпения. Корнеев ел без аппетита, совершенно потерял интерес к сексу, беспокойно спал, лежал на пляже и купался в море, снедаемый одним назойливым, неотступным вопросом: «Ну, когда же? Когда?» Несомненно, его неприступный, надменный вид и отрешенное поведение возбуждали интерес окружающих. Даже служащие отеля украдкой поглядывали на него, стараясь разгадать, что на уме у этого «загадочного русского». Он не кутил, не развлекался с девочками, не посещал казино, не расспрашивал об увеселительных заведениях, загорал и купался урывками, оставался

равнодушным к красотам местных пейзажей, не устроил обслуге ни одного скандала. Его не волновало качество уборки в номере, работа кондиционера, температура воды в бассейне и прочие бытовые мелочи. Вечерами Корнеев ходил в бильярдную, но играл без азарта, вяло, скорее чтобы провести время, нежели из любви к процессу.

Необычайно красивый, тонкий в талии, мощный в груди и плечах, с длинными выющимися волосами, черными и блестящими, с правильными, почти античными чертами лица, Владимир привлекал внимание женщин всех возрастов. Юные прелестницы видели в нем потенциального мужа, дамы постарше – страстного любовника, а заботливые мамыши – завидного жениха для взрослых дочерей. Обладание же, кроме всего прочего, изрядным капиталом делало молодого Корнеева неотразимым. Его холодное, оскорбительное высокомерие только подогревало прекрасных дам. Он казался им не то лордом Байроном, не то Печориным, не то графом Монте-Кристо, а возможно, ими всеми в одном лице. Разумеется, когда эрудиция увлеченных Владимиром женщин позволяла им делать подобные сравнения.

Сам Корнеев был, как никогда, далек от любого флирта, тем более от серьезного ухаживания со своей стороны. Он вообще не помышлял о женитьбе. Романы ему наскучили еще в студенческие годы, когда едва ли не каждая девица воображала, что выйдет замуж за красавчика Володеньку. Богатый папа служил отменной свахой, сам того не подозревая.

Корнееву-младшему удавалось каким-то чудом выскальзывать из отлично смазанных и хитро расставленных капканов выгодного брака, готовых вот-вот захлопнуться. Он не собирался вновь подвергать себя этому риску. Жизнь холостяка его устраивала, и на Крит он приехал вовсе не с целью найти невесту или любовницу.

Поэтому Корнеева повсюду сопровождал бдительный охранник, следующий чуть в отдалении, но зорко наблюдающий за посягательствами представительниц прекрасного пола на своего хозяина. Корректно, безукоризненно вежливо телохранитель отражал попытки женщин прорваться к Владимиру. С удивлением он обнаружил, что и сам является объектом пристального интереса одной скучающей дамы. Охранник в шутку поделился новостью с хозяином и в подтверждение своих слов показал ему сию «зрелую матрону». Молодые люди посмеялись, но вечером того же дня Корнеев вдруг поймал себя на том, что вспоминает благородный, чистый профиль той женщины, подчеркнутый по-гречески забранными вверх и уложенными на затылке волосами. Она показалась ему похожей на древнеримскую императрицу или на Аспасию, афинскую гетеру, ставшую женой стратега Перикла.

Владимир был близорук и не заметил примет возраста новоявленной Аспасии. Очков и контактных линз он принципиально не носил, в операции не испытывал нужды, а недостаток зрения считал своим достоинством – чужие изъяны

меньше бросались в глаза.

Наутро он сообразил, что невольно ищет ту женщину среди отдыхающих на пляже, разозлился на себя, отправился в море, плавал до изнеможения. Выбравшись на берег, он жестом велел охраннику следовать за ним.

– Пойдем в номер, – едва переводя дух, выговорил Корнеев. – Я хочу побыть один.

До вечера он боролся с образом греческой дамы, а когда жара начала спадать, выразил желание поехать на развалины Кносского дворца. Охраннику хотелось посмотреть по телевизору футбол или, на крайний случай, погонять шары в бильярдной. «Сколько можно лазать по пыльным камням? – с досадой подумал он. – Как ему не надоест одно и то же?!» Но перечить не посмел и послушно собрался.

Солнце садилось. Тысячелетние стены, вернее, то, что от них осталось, окрасились в тона меди и червонного золота. Тени сгустились. По развалинам гулял ветер, пахнувший оливами. Владимир погрузился в странное оцепенение. Он не понимал, что с ним происходит. Полупрозрачные фигуры плавно кружились в танце между священными деревьями, акробат вспрыгивал на спину огромного быка, проделывая опасные трюки, в ушах раздавался звон то ли струн, то ли женских голосов. Словно наяву шуршали подошвы сандалий по большим гипсовым плитам, которыми некогда был вымощен двор, тянулись длинные ряды-анфилады комнат.

Охранник молча следовал сзади. Скрывая раздражение,

он старался не оступить и сильно отстал. Владимир не смотрел под ноги, его вела интуиция. Когда перед ним возникла женщина, похожая на минойскую принцессу, он замер, но не удивился. Дама была невысокого роста, пропорционально сложенная, одетая в яркую блестящую юбку, стянутую в талии и расширенную книзу, в открытую жилетку, расшитую золотыми цветами. Ее волосы, завитые змееподобными прядями, сверкали от вплетенных в локоны украшений, а грудь просвечивала сквозь тончайший газ; на шее и руках женщины мерцали ожерелья и браслеты. Корнеев уставился на нее не моргая, боясь, что она исчезнет от его невольного вздоха или дуновения ветра. Губы женщины дрогнули и приоткрылись...

– О ужас, эти каменные сети и Зевсу не распутать! – произнесла она. – Напрасно ждешь, что путь твой сам собою завершится. Мы оба ищем встречи. Как и прежде, я верю этой меркнувшей надежде.

Принцесса слегка наклонилась и протянула к Владимиру ладонь, на которой лежало что-то круглое. Он оглянулся – охранника не было, никто не видел его глупейшего поступка, взял подношение и сжал в руке.

– Владимир Петрович! – испуганно окликнул его отставший телохранитель.

– Я здесь, – резко повернулся на голос Корнеев.

Когда он посмотрел на то место, где стояла женщина, ее уже не было. Кого она ему напомнила? Скрыться среди

остатков стен и колонн не представляло труда. Он хотел броситься за ней, но вовремя одумался. Все это могло ему примерещиться!

Только в номере отеля он разжал руку и понял, что держит клубок золотых ниток. Ариадна? Быть того не может! Но кто еще, кроме дочери царя Миноса, мог владеть нитью, которая способна вывести из лабиринта? «Вот оно! – подумал Владимир. – Подсказка!»

В голове его помутилось от боли – он слишком переволновался.

* * *

Москва. Октябрь

После беседы с Катей Сорокиной сыщик отправился на квартиру, где до замужества проживала тогда еще не супруга, а невеста Эдика. По дороге он прокручивал в уме услышанное.

– Можно было выхлопотать комнату в общежитии, – поведала ему пухленькая подружка Наны. – За квартиру платить много, и вообще... Так Нанка уперлась! Не любит она, видите ли, казенщины. Я, например, москвичка, живу с родителями, а приедем нелегко приходится. Судя по всему, Нана не из богатой семьи, и жить на квартире для нее – непозволительная роскошь. Маму с папой пожалела бы! Я ей к се-

бе перебраться предлагала, тоже ни в какую. У нас, правда, тесновато, но ничего, можно было потерпеть.

– А почему Нана отказывалась?

Сорокина пожимала круглыми плечиками, хихикала.

– Не хотела доставлять беспокойство. Совестливая очень или стеснительная. Знаете, есть такие люди – слишком порядочные, никому стараются не досаждать. Но у Нанки этого уже через край. Даже странно! В наше время модно быть хватким, зубастым и пронырливым. Как она умудрилась замуж выйти, ума не приложу?

Последнюю фразу Катя повторяла на протяжении всего разговора как рефрен.

– Нана с кем-нибудь общалась в Москве? – Сыщик пытался нащупать хоть какую-то ниточку, которая навела бы его на след пропавшей супруги Проскурова.

Катя поджала пухлые губки, задумалась.

– Знаете, приезжие постепенно осваиваются в городе, обрастают связями, знакомствами, дружками-приятелями. А с Наной происходило обратное. Она все больше уединялась, предпочитала проводить время неизвестно где, пропадала иногда на целый вечер, допоздна. Говорила, что любит гулять по Москве. На выходные она могла уехать за город, в Сергиев Посад, Коломну, Архангельское, Абрамцево. В Подмосковье полно музеев-усад, исторических и культурных памятников. Мы как-никак изучали искусствоведение! Надо было пользоваться моментом. Нана говорила, что,

если она вернется в Грузию, не успеет все пересмотреть.

– Она одна посещала загородные памятные места?

– Наверное, – повела плечами Сорокина. – Меня она с собой не брала.

– Что вас особенно удивляло?

Катя подняла на Всеслава круглые глаза.

– В Нане все удивляло! – выпалила она. – От прически – до интересов и запаха! От девушек духами благоухает, а от нее – не поймешь чем: дымом каким-то или... табаком, не табаком, при том что она не курила. По крайней мере, я у нее сигарет не видела. А кто в наше время носит косы? Уму непостижимо!

– Может, Нана тайком травку покуривала?

– На нее не похоже, – вздохнула подружка. – Такое пристрастие в студенческой среде не редкость, но скрыть его тоже непросто. Травку надо где-то брать, и запах у нее специфический. Не могу сказать насчет Наны, что она была замечена в чем-то подобном.

– А другие наркотики?

– Нет, наркотиками Нана не баловалась.

Вспоминая болтовню толстушки, Смирнов ехал по вечерней Москве. Его «Мазда» скользила в потоке автомобилей малой каплей полноводной транспортной реки. Хорошо бы не попасть в затор. Темнело. День прошел бестолково. Эх, Эдька, Эдька! Не повезло тебе, брат. Далеко не у каждого через месяц после свадьбы исчезает молодая жена.

У Всеслава имелось несколько версий, и ни одна не выдерживала критики. Ева забраковала все. Сначала она с энтузиазмом их анализировала, а сыщик опровергал ее рассуждения. Потом они менялись ролями. Собственно, набор вариантов оказался невелик: Нана ушла к другому, попросту говоря, сбежала от мужа с любовником; Нану похитили с целью шантажа или чтобы получить выкуп; Нану выманил из дома маньяк, который изнасиловал ее и убил; Нану украл влюбленный джигит и против воли увез ее в горы. Имелись и другие предположения – насчет какой-нибудь религиозной общины, куда попадают одурманенные «опиумом для народа» доверчивые люди; монастыря, куда внезапно Нане неудержимо захотелось уйти; несчастного случая, по каким-либо причинам не зарегистрированного полицией, и прочие маловероятные допущения.

– Ты еще забыл инопланетян, которые хватают зазевавшихся граждан! – смеялась Ева. – Чтобы утащить их на альфу Центавра.

– Или в Москве-реке вылупился из яйца динозавр, – подхватил Славка. – Радиоактивность, промышленные отходы и канализационные стоки пробудили к жизни окаменевший зародыш юрского периода, и теперь малыш поедает прогуливающихся по набережной прохожих. Надо же ему чем-то питаться.

– Ага. «Черные дыры» большого города тоже остались вне нашего обсуждения. Например, Нана спустилась в метро, пе-

ренеслась в параллельный мир – и поминай как звали.

Шутки шутками, а искать Нану придется. Где? Как?

Смирнов затормозил на красный свет, недовольно хмыкнул. Гнилое дельце подсунул ему бывший сослуживец. И ведь не откажешь! Об отдыхе можно забыть.

Добравшись до квартиры, которую Нана до брака снимала вдвоем с некоей Галиной Пашиной, сыщик молился, чтобы та оказалась дома. Он даже не знал, продолжает ли Пашина жить в этой квартире или уже съехала.

Он позвонил. Ободранную дверь долго никто не открывал. Наконец послышались шаги.

– Кто там? – спросил тонкий женский голосок.

– Я знакомый Наны Метревели, – сказал Смирнов. – Она дала мне этот адрес. Вы Галина Пашина?

– Нана здесь больше не живет, – пропищал голос.

Девушка, наверное, рассматривала нежданного гостя в глазок, решая, впускать его или нет.

Всеслав обаятельно улыбнулся, что склонило чашу весов в его пользу.

– Можно мне с вами поговорить насчет квартиры? – соврал он. – Нана сказала, вы ищете вторую жиличку. Моя сестра не подойдет?

Девушка еще немного потопталась за дверью и защелкала замками.

– Входите, – сказала она, отступая в прихожую. – Мне еще целый год учиться. Платить за квартиру одной накладно, но

и жить с кем попало не будешь. Знаете, какие сейчас времена?

Сыщик согласно кивнул.

– Можно, я посмотрю, как тут у вас?

– Две отдельные комнатки, – забормотала она, ступая следом. – Тесно, ремонта давно не делали, но для временно-го жилья сойдет.

– Сестра поступила в университет, – продолжал выдумывать Смирнов. – С общежитием возникли проблемы. А Нана все свои вещи забрала?

– Все, – удивленно ответила девушка. – Вот ее комната. Остались только вещи хозяйки.

Пол в небольшой комнатке был застелен потертым ковром, на стене висела выцветшая репродукция «Аленушки», под ней стоял продавленный раскладной диванчик. Пара стульев и шкаф с полуоторванными створками дополняли жалкую обстановку.

– Нравится? – с надеждой спросила Галина.

Всеслав пожал плечами:

– Вроде ничего. Главное, чтобы вы сошлись характерами. Как вам с Наной жилось?

– Нормально, – сказала Галина и достала из кармана спортивных штанов сигарету. – Если хотите, можете курить.

Она прислонилась спиной к дверному косяку, затаилась, выпустила дым из сложенных колечком губ. Галина имела обыкновенное, ничем не примечательное лицо, русые воло-

сы, забранные в хвост, плоскую фигуру. Бесформенная рубашка и просторные штаны скрывали ее худобу, которая угадывалась по выпирающим ключицам, тонкой жилистой шее, впалым щекам.

– Давайте сядем, – предложил сыщик, опускаясь на диванчик. – А то вы стоите, я буду сидеть – неловко получится.

Он тоже закурил.

– Не церемоньтесь, – отмахнулась Пашина. – Я целый день сижу.

– Расскажите мне о Нане, – вдруг попросил гость.

Девушка настороженно посмотрела на него, поперхнулась дымом.

– Зачем?

– Понимаете, я тайно влюблен в нее. Собираюсь ухаживать.

– За Наной? – кашляя, подняла брови-ниточки Галина. – Бесполезно.

По-видимому, не только толстушка Сорокина не имела понятия о замужестве подруги, но и соседка по квартире ничего не знала. Интересная девушка эта Нана!

– Вы меня пугаете. Почему? – изобразил огорчение Смирнов. – У нее кто-то есть?

– Мужчина? – усмехнулась Пашина. – Вряд ли. Нана – недотрога! Редко какому мужчине придет в голову за ней приударить. Она одним видом замораживает сильный пол: пара взглядов, и вместо молодого человека – ледяная глыба.

Святую деву из себя строит! Или просто дура. Есть такие женщины, возомнившие о себе бог знает что! Нана – самый яркий образец из всех подобных задавак, каких мне доводилось встречать.

Негодование Галины по поводу бывшей соседки могло быть вызвано комплексом невзрачной простушки. Нана, при ее странном характере, несомненно, красива. Пусть такая красота нынче не в чести, но классика есть классика. Мода меняется, а классические образцы находят своих поклонников. Причем гораздо более преданных, нежели у ветреных последовательниц моды.

– Вы Нану не любите? – полушутя спросил сыщик. – Ссорились?

– Да нет! С ней даже поссориться нельзя, такая она правильная. Скромница! Глазки опустит и молчит, как истукан. Только я могла стоически выдержать два года с ней под одной крышей. Зато она порядочная, никого не приведет, в смысле парней, деньги можно было в комнате оставлять без опаски, вещи. Не пьет, не курит.

– Совсем?

– Ну, вина чуть-чуть может выпить, а сигареты не признает. Хотя, знаете, я много раз слышала от нее запах дыма. Не знаю, что это был за табак, по-моему, довольно дорогой. Тонкий, изысканный аромат. Меня даже любопытство мучило.

– Я бы на вашем месте спросил.

– Кого, Нану? – саркастически усмехнулась Пашина. – Пу-

стой номер! Она свою дверь закрывала на ключ. Вот, видите? – Девушка показала на врезанный в дверное полотно замок. – Нана очень за этим следила. Никто никогда не приходил к ней в гости. Понимаете? Даже я должна была стучать, прежде чем войти. Сначала мне это казалось ненормальным. Но потом, когда я поближе ее узнала, перестала удивляться. Она запирала не только двери, но и душу.

– И вы ни разу не входили в ее комнату? – поразился сыщик.

– Входила, конечно, по ее разрешению. Ничего примечательного не увидела. У Наны никогда не было ничего лишнего, все вещи она убирала в шкаф и в два больших чемодана. Аккуратистка! Ни пылинки, ни брошенной случайно помады, ни забытого на подушке письма. Ни-че-го. Это уметь надо! Наверное, Нану так воспитали, я слышала, в Грузии строгие нравы: там молодых девушек держат в ежовых рукавицах.

Смирнову было нечего возразить. Он вздохнул, подошел к открытой форточке и выбросил окурок.

– Нана никогда бы так не сделала! – засмеялась Пашина.

– А где она жила до того, как поселилась в этой квартире? Девушка пожала плечами. Ее подобный вопрос не занимал.

– Откуда мне знать? В общаге, наверное. Или у кого-нибудь из знакомых. Из Наны слова не вытянешь! Бывало, она исчезала дня на два, говорила, что едет за город, побродить

по храмам и музеям, вот и все. Куда, с кем, когда вернется? Молчок. Наверное, больше меня вам никто о ней не расскажет.

Глава 5

У Евы сбежал шоколадный кисель. Она так задумалась, что забыла о кастрюльке, из которой теперь текла на плиту сладкая коричневая жидкость.

– Чем это пахнет? – заглянул на кухню Славка. – О-о! Горячий шоколад поджарился!

К его изумлению, Ева не бросилась с тряпкой «наперевес» восстанавливать девственную белизну плиты, а сидела на табуретке, сдвинув брови.

– Я всю ночь крутилась, не могла уснуть, – призналась она. – Осмысливала твой рассказ о Нане. Получается, никто о ней ничего не знает? Чтобы девушка не похвасталась подружкам замужеством, не проронила ни слова о свадьбе, не пригласила выпить по бокалу шампанского за ее счастье? Это невиданно! Здесь что-то нечисто. Она может быть связана с наркоторговлей, не иначе. Зачем запирают комнату, я не пойму? Чтобы прятать там наркотики, оружие.

– Так уж сразу и наркотики, – возразил Смирнов. – Человек просто охраняет от посторонних свою личную жизнь. Это не преступление, а особенность натуры. Чужое любопытство не всем по душе.

– Значит, Нана Метревели – обыкновенная аферистка! – заключила Ева. – Ей нужна была регистрация в Москве, потому она и вышла замуж за Проскурова. А когда ее цель осу-

ществилась, совместное проживание стало ни к чему. Вот она и бросила супруга!

– Я уже подумал о таком мотиве, – кивнул сыщик. – Обидно за Эдика. Главное, зачем исчезать? Что за садистские штучки? Ну, получила регистрацию, объясни все, уйди по-человечески. Нет, обязательно спектакль разыграть!

– А не мог он сам ее убить? – вдруг встрепенулась Ева. Новая идея окрылила ее. – Из ревности. Потому и в полицию не пошел, обратился к тебе. Ты по старой дружбе его не выдашь.

Смирнов постучал согнутым пальцем себе по лбу.

– Соображаешь, что говоришь? Эдик на женщину руку не поднимет.

– Ты его в состоянии аффекта видел? – не сдавалась Ева.

– Видел. Он способен контролировать приступы ярости. Даже если допустить самое... дикое, то мною Проскуров прикрываться не стал бы.

– Может, проверяет, надежно ли он замел следы? Мол, раз Смирнов ничего не заподозрил, то других и подавно опасаться не стоит. Пусть Славка подергается, потыкается туда-сюда, а потом дело пойдет своим чередом. То есть твой Эдик подаст в розыск, как положено, и будет спать спокойно.

– Ффу-уу-у... – выдохнул Смирнов. – Ну и фантазии у тебя!

Продолжению дискуссии помешал телефонный звонок.

– Это Проскуров, – одними губами, прикрывая ладонью

трубку, сказал Еве сыщик.

– Чует кошка, чье мясо съела, – таким же неслышным шепотом отозвалась она.

Эдик не скрывал волнения, говорил сбивчиво, путаясь и спотыкаясь.

– У меня несчастье. Беда! Двоюродный брат погиб, разбился на мотоцикле. Позвонила тетка, у нее сердечный приступ. Ехать опознавать тело придется мне. Хочу тебя пригласить в сопровождающие.

– Конечно, – сразу согласился Всеслав. – Какие вопросы? Сейчас же собираюсь, буду готов через десять минут. Где встречаемся?

– Давай у моего офиса, – Эдик назвал улицу. – Я на своей машине, ты на своей.

Через полчаса Смирнов притормозил в назначенном месте и заставил расстроенного Эдика пересесть из его «Ауди» в свой автомобиль.

– Так надежнее, – объяснил он. – Посмотри на себя! Не дай бог, не справишься с управлением. Заодно и поговорим по дороге. Что случилось-то? Рассказывай, и с подробностями.

– Я сам не знаю, – развел руками Проскуров. – Он уже попадал в аварии, но отделялся легким испугом. Лихач! Я его предупреждал. Сколько веревочке ни виться, а кончику быть.

– Что ты имеешь в виду?

– Это я виноват, – понуро сказал Эдик. – Подарил ему на тридцатилетие новенький мотоцикл, «Хонду». Зверь машина! Тетка меня ругала. Олег без царя в голове, гонял на нем как сумасшедший. Вот и допрыгался.

– Как фамилия брата? Тоже Проскуров?

– Нет, Хованин. Моя мама и его – родные сестры, но фамилии у них разные, по мужьям.

– Ясно. Олег Хованин, значит, – повторил сыщик. – Вы были дружны?

– Очень. Особенно в последние годы. Раньше не складывалось: я то воевал, то торговал, то прятался – в общем, мы друг друга толком не знали. Росли порознь, изредка встречались на семейных праздниках. Потом я в армию подался, он еще в школу ходил. Когда я окончательно в Москве обосновался, бизнес наладил, хотел его к своему делу приобщить. Но Олег отказался. Он инженер по подземным коммуникациям, работает спустя рукава в строительной фирме, холостяк. Все свободное время посвящает исследованиям городских подземелий. Хобби у него такое... было. – Эдуард увлекся и говорил о брате как о живом, потом опомнился, помрачнел. – Не могу поверить! Олежка... умер...

– Диггером он был, что ли? – спросил Смирнов.

Лучше не позволять человеку погружаться в переживания.

– А? – спохватился Эдик. – Да, вроде того. Просто помешался на подземельях! Вообразил, что под нашим горо-

дом существует какой-то Египетский лабиринт. Чушь собачья. Господи! О покойниках ведь плохо не говорят.

Смирнов свернул к зданию морга.

– Может, ошибка? – тоскливо вздохнул Проскуров.

Но ошибки не было. Залитое кровью тело мертвого мотоциклиста принадлежало Олегу Хованину.

– При нем нашли документы, но все равно требуется подтверждение, – производя необходимые формальности, пояснил полицейский.

– А... как это случилось?

– На большой скорости врезался в бетонное ограждение. Пока больше ничего сказать не могу. Ребята из ГИБДД предполагают, что парень мог потерять сознание, внезапно. Или тормоза сдохли. Хотя странно, мотоцикл новый, классная машина. Экспертизу проведут и вскрытие, тогда все станет ясно.

Морг бывшие сослуживцы покинули подавленными. Не из-за вида смерти, к ней и Славка, и Эдик привыкли. Вышли, охваченные плохими предчувствиями. Проскуров винил себя: ведь не подарил он брату мотоцикл, тот был бы жив и здоров. Смирнова волновало другое: интуитивно он догадывался, что гибель Олега Хованина не случайна.

– Пришла беда, открывай ворота, – пробормотал Проскуров.

– Ты не в фольклоре упражняйся, – разозлился сыщик, – а думай! Олег болел чем-нибудь? Сердце не подводило?

– Нет. На здоровье он не жаловался. Почему ты спрашиваешь?

– С чего бы ему посреди дороги, сидя на мотоцикле, терять сознание? Не нравится мне все это. Он мог сесть за руль пьяный? Напился до чертиков и...

– Не выдумывай! – резко сказал Эдик. – Олег не собирался сводить счеты с жизнью. И запах алкоголя был бы слышен.

– Наркотиками твой братан не баловался?

– Да что на тебя нашло? Наркоманом и пьяницей Олег не был, я клянусь. Скорость превышал, гонки устраивал, водился за ним такой грешок.

– Мог он сесть на неисправный мотоцикл?

– Исключено! – горячо возразил Проскуров. – Олежка обожал свою машину, следил за ней, как за малым дитем.

– Ладно, подождем выводов специалистов. Ты домой или в офис?

– Давай выпьем? Тошно на душе, сил нет.

Смирнов молча поехал к бару «Червовый король».

* * *

Москва. Год тому назад

Феодора вернулась в Москву. Раскаленный асфальт, каменные глыбы домов, пожелтевшие деревья, сухая листва под ногами, запах выхлопных газов и вездесущая пыль быст-

ро отрезвили ее. Лазурное море, шелест олив, скользящие по блестящей морской глади рыбацьи баркасы, искристое критское вино остались там, в другой жизни.

Поездка на Крит удалась во всех отношениях. Феодора не могла без умиления вспоминать, какое выражение застыло на лице Владимира при виде ее в наряде минойской модницы, а клубок золотых нитей, которые она протянула ему, и вовсе лишил молодого человека дара речи. Все-таки она – гениальная женщина! Мысль прикинуться Ариадной, восставшей из дымки мифического прошлого, пришла ей на ум в последний момент. Вопреки мучившим ее сомнениям, Корнеев клюнул на довольно примитивную, в общем, приманку.

Все сложилось удачно, даже охранник вовремя приотстал. Окажись он рядом, сцена потеряла бы львиную долю очарования и драматического напряжения.

Накануне утром Феодора обдумывала завершающие штрихи: когда следует отправиться на развалины, придет ли туда Владимир, как он поведет себя. Знаки внимания, томные взгляды, направляемые ею на телохранителя Корнеева, сослужили свою службу – неважно, по какой причине, но молодой красавец заметил Феодору. Она понимала, как важно первое впечатление, и умела произвести его. Годами оттачивая свое искусство обольщения, Рябова значительно преуспела в нем. Не столько внешность женщины, сколько ее способность уловить движения мужской души и подстроиться в такт позволяют ей приобрести власть над ним, запасть

ему в сердце. Возраст тут не помеха, а скорее подспорье, ибо опыт порой превосходит свежесть и привлекательность молодости. Зеленый плод кисловат на вкус и не сравнится со зрелым.

Камнем преткновения стала для Феодоры только одна деталь предстоящего эпизода: говорить ей что-либо или промолчать? Вначале она склонялась к загадочному молчанию, но в конце концов все же сделала выбор в пользу интригующей фразы, призванной возбудить любопытство Владимира и внушить ему неосознанную жажду новой встречи. Потратив пару часов в Интернете, перелопатив античную лирику, Гомера и другие источники, Феодора остановилась на стихах аргентинского писателя Борхеса. Она выбрала несколько подходящих строк, переделала их на свой лад, выучила, раз двадцать произнесла перед зеркалом, меняя интонацию, пока качество сценки не удовлетворило ее.

Феодоре понравилась ее роль. Дочь царя Миноса Ариадна – это, пожалуй, то, о чем она мечтала. Не имеет значения, что до поездки на Крит Феодора только краем уха что-то слышала о «нити Ариадны», злобном Минотавре и афинском герое Тесее. В нужный момент эту вскользь услышанную или прочитанную информацию подбросила ей сама судьба. А судьба ничего не совершает бесцельно.

Помолившись Зевсу, как и подобает минойской царевне, Феодора отправилась в парикмахерскую, объяснила мастеру, какая ей нужна прическа, затем накинула на голову лег-

кий шарф и вернулась в номер переодеться. Облачившись в приобретенные одежды и украшения, она с удовольствием смотрела на себя в зеркало. Лучшего приключения ей еще переживать не приходилось! Главное, чтобы намеченное не сорвалось. Для этого сегодня в сумерки Корнеев непременно должен прийти к развалинам Кносского дворца. Ведь именно там, согласно мифу, тысячелетия назад проживала Ариадна. Только бы Владимиру ничто не помешало!

Откуда-то появилась уверенность: все получится. Она так горячо, так страстно желает его увидеть, что он не может не откликнуться на этот призыв. Но если вдруг сегодня встреча сорвется, Феодора будет приходить сюда вновь и вновь, пока не осуществит задуманное.

Кносский дворец находился за городом, и Рябова вызвала такси. Водитель изумленно поглядывал на нее, цокал языком. Когда она вышла, таксист не торопился уезжать, наблюдая за странной пассажиркой. «Эти туристы совсем свихнулись!» – подумал он. Перед тем как выйти из машины, женщина дала ему денег и пояснила знаками – отъезжай и жди. Ее английский, дополняемый жестами, был ужасен, но таксист понял.

Очертания руин оживали в закатных лучах солнца, они казались золотыми останками свернувшегося окаменевшего чудовища. Феодора спряталась и стала ждать. Созерцание жалких осколков былой роскоши наводило на мысли о времени. Его приговор неумолим. Когда-то между этими

красно-черными колоннами шествовали всемогущие владыки, теперь же ветер носит стебли сухой травы... Что же остается неподвластным бегу столетий?

Шуршание шин по дороге отвлекло Рябову от идеи вечности и вернуло ее к проблеме насущной. Она почти не удивилась, узнав в приехавших мужчинах Корнеева с охранником. Предугадывая маршрут, который у Владимира был неизменным, мнимая Ариадна заняла заранее выбранную позицию.

Все разыгралось как по нотам, видно, Зевс еще не утратил своего могущества: он услышал мольбы новоявленной минойской дамы и внял им. Наверное, громовержец соскучился по прошлому, ведь боги бывают так похожи на людей. Зевсу порядком надоели бестолковые шумные туристы, и он с удовольствием включился в игру. Почему бы не развлечься? Если верить мифу, то грозный Зевс приходился дедушкой Ариадне... так что она имела полное право рассчитывать на его помощь.

– О ужас, эти каменные сети...

Феодора не узнала собственного голоса – словно все ожило: Кносский дворец; Минотавр, блуждающий во мраке бесконечных коридоров подземной ловушки, роняя с губ клочья пены; Ариадна с волшебным клубком в руке...

Черноволосый красавец Владимир застыл как вкопанный. Кем он почувствовал себя? Время дрогнуло, повернуло вспять, оно послушалось Феодоры – или Ариадны? Или тоскующего Зевса?

– Владимир Петрович!

Неуместный, лишний здесь крик телохранителя разрушил колдовской миг. Прошрое померкло и отступило в небытие. Феодора метнулась прочь, в спасительную тень, укрылась от взгляда Корнеева. На сегодня достаточно, большего не требуется. Если человеку изменяет чувство меры, он проигрывает. Точно рассчитанное усилие – вот секрет успеха. Перебор, недобор – и тщательно спланированное действие трещит по швам, рассыпается в прах.

– Благодарю... – прошептала Феодора, и ветер унес ее слово неведомому адресату.

Владимир взял у нее клубок! Это залог будущей встречи.

Она переоделась, связала наряд Ариадны в узел – пора возвращаться в отель. Корнеев с сопровождающим уехали, вокруг быстро темнело. Феодора, обессиленная после пережитого волнения, кое-как добрела до ожидающего ее такси. Водитель уснул.

– Эй, шофер! – воскликнула она на ломаном английском. – Поехали.

Теперь, в задымленной, многоголосой, запруженной людьми и транспортом Москве изрезанное голубыми гаванями побережье Средиземного моря, иглы минаретов на розовеющем небе, узкие улочки венецианских кварталов и прочие экзотические красоты Крита казались Феодоре далеким сном. Продолжение этого сна она надеялась досмотреть в Москве.

Неделю пришлось потратить на выяснение, где живет и любит бывать Корнеев-младший. Феодора задействовала старые связи. Один из бывших высокопоставленных чиновников был дружен с Корнеевыми, он и поведал ей, что у этой семьи есть просторная квартира в городе и два загородных дома. Поместьями их не назовешь, но земли много, коттеджи выстроены по современным проектам, добротно, без экономии средств. Старший Корнеев живет за городом, на свежем воздухе, а сын курсирует то туда, то сюда. Он любит путешествовать, в Москве бывает наездами и время от времени уединяется в своем доме, живет отдельно от родителей.

– Жена Петра Даниловича – простая, пожилая уже женщина, не из нынешних финтифлюшек, – говорил чиновник. – Владимир у нее поздний ребенок, она его опекает с излишним усердием. Здоровье у Корнеевой смолоду хлипкое, да и возраст берет свое. Так что сын все больше отдаляется от нее, живет своими интересами.

– А где он бывает? – спрашивала Рябова. – Чем занимается?

Чиновник развел руками.

– Не знаю, драгоценнейшая Феодора! Сдается, ничем – ловелас, жуир. Зачем ему утруждать себя? Папиных денег на три жизни хватит.

– Ловелас? Я, наоборот, слышала, что он равнодушен к женщинам.

– Да? – поднял кустистые брови чиновник. – Ну, жениться

он не торопится, это точно. Может, он – гей?

«Только не это! – мысленно взмолилась Феодора. – Иначе все мои старания насмарку!»

Она уволилась с работы, деньги таяли, и промедление с заключением выгодного брака для нее смерти подобно. Надо ковать железо, пока горячо.

– Даже у геев есть увлечения, – через силу улыбнулась Рябова. – Неужели молодой Корнеев живет затворником?

– Нет, конечно, – задумчиво произнес чиновник. – Погодите-ка, он, кажется, любит бильярд.

Об этом Феодора узнала еще на Крите. Бесполезные сведения! В бильярд она играть не умела, заявиться домой к Корнеевым не представлялось возможным, и застать Владимира в Москве, оказывается, тоже проблема. Как же быть?

– Ну... ходит же Владимир куда-нибудь? В рестораны, ночные клубы...

Чиновник смерил ее пронизывающим взглядом, усмехнулся.

– Он и вам голову вскружил, блистательнейшая? Да ведь он против вас щенок совсем. Или сердцу не прикажешь?

Феодора промолчала, скрывая выступившие на глазах слезы.

– О-о! – воскликнул чиновник, потирая руки. – Пожалуй, есть у Владимира мелкая страстишка. Вспомнил! Только ради вас, прелестнейшая Феодора! Выдаю секрет отпрыска давних приятелей. Открылось лет пять назад в уголке ста-

рой Москвы одно любопытное заведение – «Гюльсара» называется. Внутреннее убранство напоминает нечто среднее между гаремом и гостиной в восточном стиле. Посетителям предлагают кальян с изысканными сортами табака, кофе по особому рецепту, шербет, восточные кулинарные шедевры, но славится заведение не этим. Там изумительная женская танцевальная труппа, танец живота и все такое – гибкие, пластичные, потрясающе красивые девушки. Если Владимир куда и ходит, приезжая в Первопрестольную, то в «Гюльсару».

– Стриптиз там есть?

– Великолепнейший! Редчайший образец эротической пластики! Мне один знакомый чудеса рассказывал.

Феодора сразу почувствовала: встреча в «Гюльсаре» – как раз то, что нужно! От избытка эмоций она едва не бросилась обнимать старика. Тот смущенно улыбался, довольный. Сумел угодить капризной женщине!

Предстояла кропотливая подготовка к очередной случайности, но мнимую Ариадну не пугали трудности. Чутье подсказывало ей – Владимир Корнеев уже поддался ее чарам. Клубок золотых нитей будоражит его, заставляет действовать.

Глава 6

Москва. Октябрь

– Принеси холодной минералки, – простонал Эдуард, морщась от боли. – И побыстрее.

Секретарша выпорхнула за дверь. Не часто доводилось ей видеть шефа в таком плачевном состоянии. Женитьба ему впрок не идет.

Вчерашняя попойка в «Червовом короле» удалась. Правда, набрался до чертиков только Проскуров. Славка пил сначала фруктовый коктейль, потом зеленый чай, посмеивался над приятелем.

– Я за рулем, – отмахивался он от приставаний Эдика. – Кто тебя домой повезет, алкаш несчастный?

– Тут ты, брат, в точку попал! Не-счаст-ный...

– Не гневи бога, Эдик, – возмутился Смирнов. – Живой, здоровый, богатый... и ноешь? Подумай, сколько наших ребят покалеченными остались, сколько в цинковых гробах домой вернулись. А что с тобой случилось? Жена сбежала? Эка невидаль!

Про погибшего Олега сыщик деликатно умолчал.

– Братана жалко, – прерывисто вздохнул Проскуров, наливая себе очередную порцию коньяка. – Зачем я этот проклятый мотоцикл ему дарил? Помянем.

Поминали, пока Всеслав не решил, что пора уходить. Эдик, навалившись на его плечо, еле передвигал ногами, тяжелый, как сто пудов.

Сыщик отвез почти бесчувственного товарища, потом поехал домой. Ева уже спала. На кухонном столе лежала записка: «Жаркое остыло. Так тебе и надо». Есть не хотелось. Смирнов принял душ и лег. Из головы не шла трагическая случайность, вследствие которой погиб Олег Хованин. А что, если... Нет! Не может быть. Эх, надо бы мотоцикл осмотреть! «Не справился с управлением, врезался в бетонное ограждение...» – вспомнились слова полицейского.

Сколько ребят погибает из-за собственной лихости, пренебрежения правилами, убеждал себя Всеслав. Но явившаяся невзначай непрошенная мыслишка беспокоила, мешала уснуть. Тяжелое забытие навалилось разом, поглотило мелькающие в памяти обрывки событий.

Утром Ева с трудом разбудила Смирнова.

– Будильник разрывается, – ворчала она, – а тебе хоть бы что! Как там твой Эдик?

– У него брат умер, – пробормотал сыщик. – Двоюродный. Разбился на мотоцикле.

Ева всплеснула руками, присела на край дивана.

– Ничего себе! Сначала бывший спецназовец убил жену, потом двоюродного брата... Сколько тому было лет, кстати?

– Тридцать.

– Ревность! Проскуров приревновал более молодого и

красивого брата к Нане и расправился с обоими.

– Эдик был на работе, когда произошла авария, – устало возразил Всеслав. – Что ты на него так взъелась? Я, между прочим, тоже бывший спецназовец.

– Ты – другое дело. Сам же говорил, что Проскуров занимался продажей оружия. Такие типы на все способны.

– Ошибки молодости, Ева, он давно искупил.

– Ага. Ты мотоцикл осматривал? – сердито спросила она. – Никакой проводок не надрезан? Тормоза в порядке? Жаль, я в технике не разбираюсь.

Она как в воду глядела. Славка полночи крутился, думая о том же. Правда, Эдика он не подозревал, но гибель Хованина показалась ему не случайной.

– Я зверски проголодался, – сказал сыщик, не желая обсуждать этот вопрос. – У меня на сборы и завтрак – полчаса.

– Женщине место на кухне! – обиделась Ева. – Так тебя следует понимать?

В полчаса Смирнов не уложился – звонил, искал подходы к эксперту, который должен был заняться мотоциклом Хованина. Обширные связи среди работников столичной полиции и ГИБДД, приобретенные за последние годы, легко позволили ему договориться с нужным человеком. Увы, худшие опасения оправдались.

– Машина серьезно пострадала, – объяснил эксперт. – Но, сдается мне, парень врезался в ограждение не по своей вине. Полагаю, гайка крепления переднего колеса была ослаб-

лена. На повороте, тем более на скорости, мотоцикл потерял управление, и поездка закончилась печально. Погибший вам кем приходится?

– Другом, – солгал Всеслав.

– Полагаю, парню помогли отправиться в мир иной, – вздохнул эксперт. – Ну, а выяснить, кто и почему, это уже не моя работа.

Сыщик промотался по городу несколько часов, разузнавая, где Хованин оставлял мотоцикл. Оказывается, гаража он приобрести не успел, и машина стояла либо у дома, практически без присмотра, либо в закрытом двореке возле здания, где Олег работал. Фирма «Геопроект» предоставляла частным лицам и организациям услуги по геодезии и проектированию несложных наземных и подземных сооружений. Хованин считался квалифицированным специалистом, умницей, но работал без огонька, только ради зарплаты. С коллегами общался официально, в рамках необходимого сотрудничества, ни с кем близко не сошелся. Основной круг его друзей и знакомых составляли «дети подземелья» – группа московских диггеров, к которой он примкнул десять лет тому назад, будучи еще студентом.

В принципе Хованин мог оставить мотоцикл где угодно – на улице у бара, где он частенько пил пиво с приятелями; у забегаловки, где он обедал; у клуба «Ахеронт», где собирались «дети подземелья», – в общем, любой желающий имел возможность незаметно подойти к мотоциклу Олега и

повредить его. Установить личность злоумышленника будет крайне сложно.

Все эти сведения сыщик собрал без помощи Эдика. Он еще не придумал, как сообщить товарищу о выводах эксперта. Впрочем, рано или поздно Проскуров сам узнает. Дело, в смысле перспектив раскрытия,дохлое, скорее всего, полиция и возбуждать его не будет, оформит как несчастный случай. Ослабленная гайка – шаткий аргумент, который легко опровергнуть: мол, Хованин сам мог ее недокрутить или раскрутить по халатности. Мог доверить починку мотоцикла недобросовестному мастеру, или гайка расшаталась по техническим причинам – найдется десяток доводов не в пользу версии преднамеренного убийства. Да и мотив не вырисовывается. Судя по отзывам, Олег был человеком неконфликтным, нормально ладил с людьми, богатства не нажил, врагов тоже. Хотя последнее нуждалось в тщательной проверке. Ревность? Этот мотив требовалось отработать.

До встречи с диггерами Смирнов решил съездить к Эдику, поговорить. Негоже скрывать от него подробности гибели брата.

Уже открывая дверь в офис товарища, сыщик подумал: смерть Хованина совершенно отвлекла его от поисков Наны. Так и было задумано, что ли?

Хозяин уютного кабинета с табличкой «Э. С. Проскуров» полулежал, откинувшись на спинку кожаного кресла, с мученической гримасой на лице. Его терзала невыносимая го-

ловная боль. Противник таблеток, Эдик предпочитал естественное восстановление организма воздействию фармацевтических препаратов.

Он молча выслушал Славку, медленно бледнея.

– Ты полагаешь, брата... убили? Боже! Что за нелепица! Мог эксперт ошибиться?

– Ошибиться может каждый, – философски заметил сыщик. – Наше дело – все проверить.

– Да, конечно...

Казалось, Эдуард плохо понимал, о чем идет речь.

– Ты не знаешь, у Олега была женщина? Он с кем-нибудь встречался? – спросил Смирнов первое, что пришло на ум.

Проскуров пожал плечами, задумался.

– Наверное, была. Олег менял одну подружку на другую, ничего серьезного, по-моему. А что?

– Чтобы захотеть убить человека, нужна причина. Ревность, например, или корысть. Страх тоже подойдет. Месть, непреодолимая личная неприязнь, переросшая в патологическую ненависть. Ты сам не хуже меня знаешь, что толкает людей на убийство.

– У Олежки не было врагов.

– Ты уверен?

Эдуард растерянно потянулся за стаканом с водой.

– Хочешь пить?

– Не съезжай с базара, – усмехнулся Всеслав. – Со мной такие номера не проходят.

– Как я могу быть уверен? – вяло возмутился Проскуров. – У Олега была своя жизнь, которую он со мной не обсуждал. Эта его подземная лихорадка, например. Что за глупая, дикая страсть – лазать по канализационным трубам, в темноте, в отвратительной вони?! Какое в этом удовольствие?

– Ты прекрасно знаешь, что городские подземелья и канализация – не одно и то же, – возразил сыщик. – И воняет далеко не везде.

– Я не смог уговорить Олега бросить это сомнительное занятие, – признался Эдик. – Потому и злюсь – на него, на себя! Что за мальчишество, ей-богу?

Он запнулся, вспомнил: Олега уже нет в живых, негодовать бесполезно. Виновато отвел глаза.

– Когда ты виделся с братом последний раз? – спросил Смирнов.

– Позавчера. Он приезжал сюда, отдал давний долг. Как чувствовал... Я не хотел брать деньги, но Олежка настоял.

– Большая была сумма?

– Да нет, мелочь. Он много не одалживал, знал, что отдавать нечем будет. Какая у них там, в «Геопроекте», зарплата? Слезы одни.

– Олег приезжал на мотоцикле?

– Конечно, он с ним не расставался.

– Значит, гайку могли развинтить совсем недавно, иначе авария произошла бы раньше.

– Вижу, ты не сомневаешься в том, что Олега убили, – сказал Проскуров. – Но за что? Кому это понадобилось? Деньги он брал в долг только у меня.

– А кто имел доступ к его мотоциклу?

– Да все! – подтвердил Эдик выводы Смирнова. – Он же его оставлял на улице. Я предлагал купить гараж, но проблема осталась бы. В гараже можно держать мотоцикл ночью. А днем? Платные стоянки – тоже не выход. Ты где свою «Мазду» паркуешь?

– Где придется.

– Вот!

Сыщик не мог не согласиться с его доводами.

– Получается, с этой стороны к убийце не подберешься. У тебя есть какие-нибудь соображения, подозрения?

Проскуров с сожалением покачал головой.

– Как думаешь, смерть Олега связана с исчезновением Наны? – в упор задал вопрос Всеслав.

– На что ты намекаешь? – растерялся Эдик.

* * *

Москва. Год тому назад

Владимира Корнеева потянуло домой. «На Крите мне больше делать нечего», – решил он. Что должно было произойти, случилось. Судьба дважды подсказок не повторяет:

не сумел понять – твои проблемы.

По дороге из аэропорта в Москву Корнеев старался не смотреть в окно. Что он увидит? Все те же деревья, ленту асфальта, поток машин. Скука... скука. Невольно вспомнился классический профиль женщины из отеля, фигура в ярких одеждах посреди руин Кносского дворца... Кому рассказать – не поверят! Клубок золотистых ниток молодой человек бережно положил в чемодан, среди личных вещей: он являлся доказательством того, что встреча с Ариадной ему не придалась.

«Жили же раньше люди!» – с тоской размышлял он. Строили роскошные дворцы с расписанными стенами, с потайными помещениями и скрытыми ходами, с жертвенниками и святилищами; устраивали пышные праздники, мистерии, предавались страстной любви, молились богам, чествовали героев. Сражались с настоящими чудовищами, наконец! Бесмертные боги спускались на землю и участвовали в играх людей. Интересно, что стоит за этими преданиями, вымысел или истина, в которую невозможно поверить?

Но ведь раскопали же Трою и Микены, нашли на Крите мифический лабиринт! Почему бы и богам не оказаться настоящими действующими лицами, а не выдумкой?

С такими мыслями совершенно не сочетались однообразные многоэтажки столичной окраины, шум проезжающих мимо машин, низкое пасмурное небо, запах отработанных газов и бензина. Владимир прерывисто вздохнул и закрыл

глаза. По крайней мере, неделю он проведет в московской квартире, побудет с матерью. Родители все чаще живут порознь, они не ссорятся, просто постепенно отдаляются друг от друга.

Квартира, обставленная изысканной мебелью, напичканная бытовой техникой, выстланная коврами ручной работы, впервые показалась ему тесной позолоченной клеткой. Домработница смахивала пыль с полированных поверхностей, мать хлопотала на кухне. Как же, сын приехал! Он развалился на мягком диване, переводя взгляд с книжных полок на облицованный мрамором камин, который не разжигали года три; на горки с посудой, на надоевшие до зубовного скрежета стены. Пощелкал пультом, переключая телевизионные каналы – политика, пошлые сериалы, пугающие новости, трескучая музыка, пустые песенки. «Я сошла с ума... я сошла с ума... я сошла с ума...» – с одной и той же интонацией назойливо повторял писклявый девичий голосок.

У Владимира заломило виски. «Господи! – подумал он. – Кто из нас сумасшедший?»

– Что ты будешь делать вечером? – спросила мама, расставляя на столе угощение. – Тебе нужно отдохнуть.

– Я только приехал с отдыха, – лениво произнес Корнеев. – А где отец?

– За городом. Наслаждается природой! – с сарказмом сказала она.

Александра Гавриловна была до мозга костей горожанкой

и не представляла себе жизни без тротуаров, метро, гастрономов и бутиков. В лесу или на речке у нее начиналось недомогание, которое проходило сразу после въезда за Садовое кольцо. Она лечилась от хандры видами на Кремль, храм Христа Спасителя, прогулками по Александровскому саду или старому Арбату. Тверской бульвар и скверик у Большого театра были ее Меккой, куда она стремилась отовсюду. В последние годы они с отцом редко ездили отдыхать вдвоем. Да и от чего было отдыхать матери? Она давным-давно не работала, не занималась домашним хозяйством; продукты, а иногда готовую еду заказывала на дом; единственный сын вырос, внуки появиться не успели. Раз-два в неделю она навещала одну из своих подружек, выслушивала сплетни, жалобы на неблагодарных детей и одолевающие болезни, возвращалась расстроенная, пила валерьянку и три дня отходила от визита.

Главной ее отрадой оставался Владимир, красивый, умный, интеллигентный мальчик, теперь уже молодой мужчина. Ах, как она мечтала женить его на образованной, воспитанной девушке из хорошей семьи, дожидаться малышей, порадоваться продолжению рода Корнеевых! Но подобрать сыну подходящую пару оказалось нелегко.

– Ешь, – потчевала она Владимира любимыми им с детства пельменями, маринованными грибочками, салатами из морепродуктов. – Сама готовила. Глаша так не сумеет.

Он налил в фужер для шампанского водку и выпил одним

глотком. Горячие пельмени казались безвкусными. Неужели даже еда становится сомнительным удовольствием?

Глаша, домработница Корнеевых, принесла пирожки с вишнями и чай.

– Не хочу больше, – отодвинул от себя тарелку с недоеденными деликатесами Владимир.

Взял пирожок, откусил... Или тесто не такое, или раньше он ощущал вкус иначе, но пирожок занял место на отодвинутой тарелке. «Спать завалиться, что ли? – подумал молодой человек. – Завтра я проснусь все с теми же вопросами: чем заняться? Куда пойти?»

– Жениться тебе пора, – сказала Александра Гавриловна. – Появятся жена, детки, заботы. И мне веселее будет.

– Ну уж нет! – отрезал Владимир. – Семейная жизнь – не клоунада! Веселее... Что в этом приятного? Вот вам с отцом весело?

Глаза матери наполнились слезами, и Владимир пожалел о вырвавшихся у него ненароком словах. Захотелось встать из-за стола, уйти, все равно куда. О, черт! Черт!

Память услужливо подбросила ему образ женщины, которую он видел на Крите, в отеле. Кажется, она немолода, но выглядит потрясающе. Вот будет номер – взять и жениться на ней. Фурор, скандал! Мама славно повеселится, ей же хочется. Интересно, отец одобрит его выбор? О-о! Какое наслаждение – взорвать весь этот их раз и навсегда заведенный порядок, когда молодой мужчина, сын известных, со-

стоятельных родителей, берет в жены молодую красивую девушку из богатой семьи; празднуют шикарную свадьбу; молодым дарят квартиру и машину; они едут в свадебное путешествие в Париж; потом возвращаются и начинают жить счастливой, благополучной жизнью, производят на свет златокудрое потомство и дружно воспитывают крошек-ангелочков. Что за непереносимо тошнотворная идиллия! Перевернуть все к чертовой матери с ног на голову, сделать наоборот... устроить этим порядочным людям безумный карнавал перевертышей!

Корнеев-младший улыбнулся, впервые после того, как его нога ступила на родную землю. Пожалуй, он поторопился сделать вывод, что все развлечения уже испробованы, а удовольствия исчерпаны.

Мама истолковала радость, озарившую лицо сына, как добрый знак. Наконец-то в их семье произойдет что-то новое, волнующе-приятное.

– Спасибо, – поблагодарил за угощение Владимир и поцеловал Александру Гавриловну в щеку. – Было очень вкусно. Я поеду, проветрюсь.

Весь вечер он провел в «Гюльсаре», за кальяном, любуясь экзотикой восточных танцев и прислушиваясь к себе. Возбуждает? Не возбуждает? Уже не те впечатления. Померкли прелести «Гюльсары»! Появись тут, в пропитанном наркотическими запахами табака полумраке, та дама с греческим профилем или, что совершенно невероятно, сама Ариадна...

ох, и забилося бы пресыщенное сердечко. Мечты... призраки минойских развалин. Разве они приживутся в московской среде?

На следующий вечер Владимир снова отправился в «Гюльсару». Восточные мелодии обволакивали душу, погружали его в сладостный транс. Черноволосые танцовщицы в прозрачных шароварах звенели браслетами и ожерельями, змеиные извивы их тел сменялись дрожью мышц гладких девичьих животов, ритмическими колебаниями бедер, все ускоряющимися, переходящими в экстаз. Кольцами курился дым кальянов. В его душном сизом мороке Корнееву явилось призываемое его воображением видение: минойская принцесса Ариадна, расслабленной походкойдвигающаяся между обитых шелком низких диванов. У нее был нежный, идеальный профиль Елены Троянской и тело зрелой Афродиты. Владимир почувствовал, как внутри его зарождается и растет желание, восторг, восхищение и решимость. Если это она, то нельзя отпускать ее – видение рассеется, подобно дымке, а судьба не предлагает своих даров дважды.

Корнеев поднялся и на подкашивающихся от волнения ногах двинулся вслед за женщиной, одетой в яркую широкую юбку и прилегающий к телу жилетик. Она могла быть одной из танцовщиц или плодом его замутненного табаком и бессонницей сознания. Он протянул руку и коснулся ее локтя. О чудо! Видение вовсе не было бесплотным!

В этот же смутный вечер Владимир узнал, что женщину зовут Феодора. Ну и пусть. Пусть! Имена меняются, а чарующая женская суть проходит сквозь века, оставаясь неизменной. Та, которую он ждал и не надеялся встретить, пришла к нему! Наконец осуществится мистический смысл, ради которого... Мысли обрывались, теснили одна другую. Опыянный неслыханной удачей, Корнеев едва соображал, что делает, что говорит. Ровно в полночь он предложил Феодоре выйти за него замуж.

Глава 7

Москва. Октябрь

Двери клуба «Ахеронт» были закрыты. Телефон не отвечал, и Смирнову ничего не оставалось, как отложить беседу с диггерами до завтра. Поиски Наны безнадежно застряли.

– Что тебе подсказывает пустота? – спросил он у Евы утром.

Это был ее излюбленный метод: если расследование заходит в тупик, задавать вопросы пустоте. Именно там, по глубокому убеждению Евы, кроются все ответы.

– Пока ничего.

– Прискорбно, прискорбно! – с иронией воскликнул Все-слав. – И что прикажешь мне делать?

– Заняться оперативными мероприятиями! – не осталась в долгу она. – Потопать ножками, пустить в ход знаменитую логику. Дедукция и еще раз дедукция! Желаю удачи, дорогой.

Дедукция оказалась бессильна. Сколько сыщик ни бился в попытках хотя бы наметить дальнейшие шаги, ничего путного в голову не приходило. Придется прибегнуть к обычному способу: изучать окружение Наны. А кто туда входит? Из известных персонажей – Проскуров, родители, проживающие в Тбилиси, Катя Сорокина и Галина Пашина. Со все-

ми он уже переговорил, кроме четы Метревели. Не ехать же в Грузию?

– Все ли возможное я сделал здесь, в Москве? – с пристрастием спросил себя Смирнов. – Прежде чем тащиться на край света...

И тут его осенило. Он же не побывал в квартире Эдика, где жила Нана перед тем, как исчезнуть, – не осмотрел ее вещи, ее записные книжки. Как он мог допустить такую грубую оплошность? Доверился Проскурову, который якобы сам искал блокнот жены и сделал вывод, что она унесла его в своей сумочке.

– Эдик, – набрав номер товарища, сказал сыщик, – могу я напроситься к тебе в гости? Хочу посмотреть, что окружало твою жену.

– Без проблем, поехали сейчас. Я пару бумаг подпишу и буду к твоим услугам.

Проскуров не обманул: через сорок минут его «Ауди» уже стояла в условленном месте.

– Классная машина, – оценил Всеслав. – Нана любила... любит на ней ездить?

Его мрачная оговорка не укрылась от Эдика.

– Только не говори мне, что ее нет в живых! Дай Олега похоронить... Господи! Тетка совсем ума лишилась от горя. Кстати, я звонил в морг и в полицию, просил разрешения забрать тело. Вскрытие показало, что Олег в момент смерти был трезв и здоров.

– Значит, предположение о потере сознания или сердечном приступе отпадает, – задумчиво произнес Смирнов. – В общем, я и так это знал. Гайка...

– Она могла сама раскрутиться, – перебил его Эдик. – Мне гаишники сказали.

– Послушай, ты же водитель. Не обманывай себя! «Хонда» – фирма надежная, и чтобы гайка крепления переднего колеса ослабилась, надо как минимум убрать фиксатор.

Проскуров понуро молчал.

– Не трави душу, – выдохнул он уже у самого дома. – Понимаю, что ты прав, а соглашаться не хочу. Кому понадобилось убивать Олега? У меня голова кругом идет. Нана пропала, брат погиб, тетка едва дышит, мать голосит, отец лекарства глотает. Еще похороны как-то пережить надо.

– Да, конечно.

Они поднялись в лифте на пятый этаж. Эдуард возился с замками, руки дрожали.

– Нервы ни к черту, – оправдывался он. – Ночь не спал, выпил лишнего. Входи.

Квартира Проскурова ничем не напоминала квартиру Смирнова – гораздо более просторная, обставленная современной мебелью, много стекла, много света, прозрачные гардины на окнах, цветы на полу в керамических горшках.

– Видна равнодушная рука дизайнера, – неодобрительно хмыкнул сыщик. – Если б я случайно зашел, ни за что не догадался бы, кто здесь живет. Безликий интерьер.

– Не буду отрицать. Внутреннее убранство помещений не по моей части. Думал, Нана переделает все по своему вкусу, а ее тоже не особо интересовал домашний уют. Чисто, удобно – и ладно.

Смирнов ходил из комнаты в комнату, не переставая удивляться: на первый взгляд ничто в этой квартире не выдавало присутствия Наны. Женских безделушек не оказалось, косметика хранилась в ящике туалетного столика, там же лежали несколько подаренных Эдиком жене золотых украшений. Вещи Наны аккуратно висели в шкафу.

– Это все я покупал, – сказал Проскуров. – И шмотки, и обувь, и белье.

– У нее что, ничего не было?

– Было, но... мы решили начать новую жизнь, и я предложил ей все старые вещи выбросить. Она не обиделась, засмеялась и согласилась. В общем, почти все оставшееся имущество Наны уместилось в одном чемодане. Она же в Москве квартиру снимала, ничего лишнего не приобретала.

– А книги?

– Они здесь, на полке, – Эдик указал на черный матовый стеллаж. – Все по искусствоведению.

Всеслав бегло просмотрел издания: архитектура древней Индии, китайский фарфор, античность, поздняя готика, ренессанс, маньеризм. Никакой системы. Вкусы и пристрастия Наны по принадлежащим ей книгам определить невозможно.

– Куда делся ее чемодан? – со вздохом поинтересовался сыщик.

– Я его в гараж отнес. Он пустой! – Проскуров не скрывал удивления. – В нем ты точно ничего не найдешь. Разве что стенки двойные или дно. Тряпки Нана отнесла на помойку, а книги перед тобой. Да в чем дело?

Смирнов пожал плечами. Если бы он знал!

– Ума не приложу, где искать твою супругу. Ни одной зацепки. Не в Грузию же лететь к ее родителям и друзьям детства?

– Стариков инфаркт хватит, – испугался Эдик. – Повремени с этим визитом. Может, все выяснится?

– А если нет?

– Чем тебе помогут родители Наны?

Всеслав и сам сомневался, что поездка в Тбилиси окажется полезной. Чутье подсказывало: разыскивать пропавшую жену друга следует в Москве.

– Но ведь неизвестно, за какой кончик потянуть, чтобы узелок развязался? – возразил сыщик. – Тут шашкой не рубанешь, тут тонкость требуется.

Подавленный исчезновением супруги и смертью брата, Проскуров угрюмо молчал. Он по пятам следовал за Смирновым, который выдвигал ящики, перебирал вещи на полках, заглядывал в шкафчики.

– Что ты надеешься отыскать? – не выдержал хозяин квартиры. – Скажи, ради бога!

– Записную книжку Наны, фотографии, письма какие-нибудь.

– Вот, возьми альбом, здесь и наши свадебные фото, и несколько любительских, которые принесла Нана. Ее документы у меня в домашнем сейфе, паспорт, свидетельство о рождении и диплом. А блокнот был у жены в сумочке, я говорил.

– Поставь чаю, – попросил Смирнов, чтобы отвлечь внимание удрученного Эдика от своих действий. – Пить хочется. Сладкое есть?

– Есть. Печенье, конфеты. Любишь трюфели?

– С детства.

Проскуров удалился в кухню, а сыщик сел на диван просматривать альбом. Его не покидало чувство недоумения и растерянности. Чего-то в происходящем он никак не мог понять. Был во всем этом какой-то блеф, какая-то нелепость, фальшь.

Фотографии из альбома запечатлели обычные вещи, сценки институтского выпуска: Нана в скромном облегающем платье лилового цвета, получающая из рук дородного мужчины диплом и памятный сувенир; хохочущие девушки с цветами в волосах; стайка выпускников, прогуливающихся по набережной. А вот свадьба. Нана потрясающе красива в грузинском национальном костюме, Эдик, смущенный и немного неуклюжий, в обычном пиджаке и брюках, рядом с ней. Почему же он не оделся по-грузински? Один из сним-

ков выскользнул и упал на пол. Смирнов наклонился. Где же фотография? Придется лезть под диван.

Он заглянул в пространство между нижним краем дивана и полом. Красивый паркет, дубовый, наверное. Фотография лежала рядом с каким-то предметом. Диван стоял на ножках, и рука свободно прошла, чтобы достать улетевший снимок и заодно забытую под диваном вещицу.

– Что ты делаешь? – воскликнул вернувшийся из кухни с чаем Проскуров. Он чудом не уронил поднос с чашками и сладостями.

– Извини, снимок доставал. А там еще вот что валялось.

Эдик, бледный, как стена, не сводил глаз с предмета, извлеченного сыщиком из-под дивана. Это была припорошенная пылью женская кожаная сумочка.

– Дай...

– Что с тобой?

– Это сумка Наны. Я думал... Как это может быть?! Она же взяла ее с собой!

– Минуточку, – Смирнов открыл сумку: она была пуста. Абсолютно. Открывая отделение за отделением, он убедился, что в них ничего нет. – Это сумка твоей жены? Ты уверен?

– Я сам покупал ее... Других у Наны не было. Старую мы выбросили... Боже мой! – Он поспешно поставил поднос на журнальный столик, схватился за голову. – Ничего не могу понять! Как она очутилась под диваном?

Всеслав вспомнил слова Евы: «Ревность! Он убил сначала жену, потом брата...» Безумие! Эдик на такое не способен. А подаренная им Олегу новенькая скоростная «Хонда», у которой вдруг отваливается колесо? А сумочка? Как она попала под диван? И с чем тогда ушла из дому Нана? С пустыми руками? Но если она не собиралась брать сумку, то не стала бы прятать ее под диван. А Проскуров? Зачем ему врать, зная, что сумка валяется на полу в квартире? Если он не знал, то...

Вопросы переполнили сознание Смирнова, он сел, закрыл глаза. Надо успокоиться, разобраться, что к чему.

– Почему сумка пустая? – бормотал Эдик. – Где кошелек, телефон, ключи от квартиры?

– Блокнот, косметичка, – продолжил перечислять сыщик. – И прочие дамские мелочи?

Действительно, в сумочке не оказалось ни одной бумажки, ни одной забытой шпильки – ничегошеньки.

Проскуров схватил сумку, принялся рассматривать ее со всех сторон, словно не веря своим глазам.

– Странно... – бормотал он. – Странно...

– Итак. Картина происшедшего с Наной несколько меняется, – изрек Всеслав. – Можно поставить под сомнение основной тезис: а именно, что твоя жена, Эдик, ушла из дому сама, по доброй воле. Найденная под диваном сумочка противоречит сему факту. Кто-то ее тщательно выпотрошил и забросил под диван, вот только зачем? С какой целью?

– Но дверь была в порядке, замки никто не взламывал.

Смирнов осмотрел входную дверь, замки и вынужден был согласиться с хозяином квартиры.

– Значит, Нана его... или их... сама впустила. Обратись ты ко мне сразу, мы бы смогли изучить следы, оставленные злоумышленниками. Теперь они, конечно же, затоптаны.

– Мои ребята из охраны изучали, – буркнул Эдик. – Ничего существенного не обнаружили.

– Нашел специалистов!

– Один из них в полиции служил. У меня не было оснований не доверять их выводам.

– Ладно, допустим. А почему же вы тщательнейшим образом не обследовали квартиру? Ведь тогда сумочка была бы найдена.

– Вроде обследовали...

– Вроде! Вот и результат!

– Диван мы не отодвигали, – тяжело вздохнул Проскуров. – И не заглядывали под него. Каюсь.

Смирнов предусмотрительно промолчал. Он и сам не полез бы под диван, не попади туда фотография из альбома.

– Почему же сумочка Наны пуста? – не выдержал Эдик. Он и хотел задать этот вопрос, и боялся ответа на него. – Она сама все оттуда выгребла? Может, она хотела оставить мне знак? Намек на то, что ее силой заставили уйти?

– Может, сама, а может, и нет, – задумчиво произнес сыщик. – При любом раскладе сумочка осталась в квартире не

случайно. У вас бывали гости?

– Н-нет... мы не успели устроить прием. Честно признать-ся, Нана и я не относимся к любителям как ходить в гости, так и принимать их у себя дома. У меня близких друзей нет, не сложилось. У Наны тоже, насколько мне известно, задушевных подруг не было. Мы во многом похожи.

– А с Олегом Хованиным ты ее познакомил? И вообще, со своей родней?

– Мы перед отъездом в Тбилиси нанесли визит моим родителям, – слишком официально выразился Проскуров. – Объяснили, что хотим пожениться и сделать все в узком кругу, то есть только вдвоем. Нана высказала такое пожелание, я был не против. Мои старики – лояльные, понимающие люди, они предоставили нам возможность отпраздновать вступление в брак по нашему желанию. И потом, они в наши отношения с Наной не вмешивались.

– Сколько вы прожили вместе? – усмехнулся Всеслав. – Чуть больше месяца? Срок солидный, ничего не скажешь. Вот пройдет лет десять, тогда и поглядим, будут родители вмешиваться или нет?

– Какая разница?! Лишь бы Нана нашлась живой и здоровой. А с родителями я уж как-нибудь разберусь.

– Ты так и не сказал: Олег был знаком с твоей женой?

– Нет, – ответил Эдик. Это признание далось ему нелегко. – Я ревновал! Не хотел сразу знакомить Нану и Олега. Брат хорош собой, по-своему интересен... умеет... умел

произвести впечатление на женщин, поболтать о подземельях, напустить на себя этукую романтическую дымку. Искаатель приключений! Я не рискнул представить Олега своей жене. Да он и не стремился. Со временем знакомство произошло бы само собой, в семейном кругу.

«Все ясно, – подумал Смирнов. – Ева опять попала в точку. Эдик – ревнивец! Ему удавалось отлично скрывать эту черту характера. Во всяком случае, я не замечал».

* * *

Москва. Год тому назад

Восточный танец девушек в «Гюльсаре» заворожил Феодору: дым кальянов и полумрак скрывали лица посетителей, многие из которых располагались в кабинках в мавританском стиле, отделенных от общего зала ажурной колоннадой. Глаза привыкали и различали мелкие детали этой пестрой, пышной, золоченой, изысканной картины. Зато те, кто уже давно сидел на шелковых диванах и подушках, отлично видели каждого вошедшего.

Феодора надела ту самую одежду, которая уже произвела нужное впечатление на Владимира Корнеева – наряд знатной минойской дамы. Здесь, в «Гюльсаре», он естественно вписался в общее убранство, имитирующее помещение сераля. Даже запах розового масла, перебивающий аромат та-

бака, и круглый мраморный фонтан в середине зала будто воссоздавали летнюю беседку – излюбленное место отдыха изнеженных, избалованных обитательниц гарема.

Когда Рябова ощутила на себе пристальный мужской взгляд, она не усомнилась, что это взгляд Владимира. Везение, начавшееся на Крите, не могло оборваться в Москве.

То, что произошло в «Гюльсаре», превзошло самые смелые мечты Феодоры. Словно сама Афродита, пробудившись от вековой дремы, протянула ей руку помощи: молодой Корнеев так стремительно и неудержимо поддался чарам зрелой кокетки, что это удивляло и даже настораживало. Чего-чего, но предложения руки и сердца в первый же совместно проведенный в «Гюльсаре» вечер Феодора не ожидала. Весь ее опыт обещал долгую, изощренную осаду сей крепости. Слишком быстрый успех ошеломил, выбил у нее почву из-под ног, нарушил строго рассчитанный ход действий. Феодора потратила много сил, выковывая свое оружие, а оно ей почти не понадобилось. Младенец Эрот не успел прицелиться, как стрела любви сорвалась с его волшебной тетивы и вонзилась в сердце Корнеева.

Он безумствовал, тогда как Феодора с трудом скрывала недоумение и радость. Ей приходилось играть роль капризной, пресыщенной женщины, привыкшей к любовным атакам состоятельных мужчин. Ослепленный Владимир, к величайшему счастью, не интересовался ни ее родословной, ни ее возрастом, ни родом занятий. Словно бешеный, закусив-

ший удила жеребец он мчался к своей цели – обрести законное право на Ариадну, пусть мнимую. Он уже взял золотой клубок из ее рук и не собирался выпускать заветную нить, которая приведет его... Впрочем, не стоит опережать события. Этот мир соткан из иллюзий, и каждый волен выбирать свое собственное наваждение.

Стареющая хищница и молодой повеса пили ликер, закусывали виноградом и засахаренными орехами, обменивались ничего не значащими фразами, старательно обходя тему Крита и кносских развалин. Ни один из них не желал признавать, что нынче иные времена, иные нравы. Он предпочитал не задумываться, как эта женщина оказалась на его пути; она же еще усерднее гнала от себя мысли о возможном разоблачении.

Не зная, как вести себя, Феодора делала вид рассеянной, умудренной опытом светской львицы. Ее кавалер демонстрировал пылкую увлеченность, излишне горячую, учитывая малый срок их знакомства. Она не отклонила его предложение вступить в брак, но и не ответила согласием. Посмеялась, как над забавной шуткой.

– Вам весело? – залился краской обиды Корнеев. – Отчего же?

– Да оттого, что завтра вы пожалеете о своем опрометчивом поведении, – прошептала она, слегка наклоняясь к нему, демонстрируя свою полную, покрытую легким загаром грудь под полупрозрачным газом, закрывающим глубокий вырез

тесного атласного жилетика. – Вдруг я поймаю вас на слове? Как вы станете выкручиваться?

– Я никогда ни о чем не жалею! – воскликнул молодой человек, оскорбленный ее недоверием и насмешкой. – И не привык бросать слова на ветер. Теперь вы решаете мою судьбу! Да или нет?

– Нетерпеливый охотник, – усмехнулась Феодора. – Ваши сети, пожалуй, могут оказаться опасными, мой лютый ловчий.

Последнее ее выражение подстегнуло Владимира. Он вскочил, опустился на колени перед Феодорой, прошептал, задыхаясь:

– Это рок. Отдадимся же ему без оглядки!

Она качала головой, ей было жарко, душно от возбуждения, выпитого ликера, от табачного дыма, смешанного с ароматами розового масла и сандалового дерева.

Феодора не позволила Корнееву проводить себя домой, но любезно согласилась дать ему номер своего мобильного телефона. Молодой человек посадил ее в такси и долго стоял, глядя, как машина теряется в ночи, расцвеченной огнями.

На следующий день Владимир сам, не полагаясь на случай, пригласил Феодору в «Гюльсару». Такие свидания ее устраивали. Не зная о близорукости Владимира, она надеялась, что в дымном сумраке ночного клуба мелкие морщинки и другие следы возраста на ее лице менее заметны. Тридцать девять лет – не шутка для женщины, которая хочет вый-

ти замуж за молодого богатого красавца.

Весь день до встречи Рябова провела в лихорадочном волнении. А что, если Корнеев вчера просто много выпил и сболтнул лишнее? Что, если ни о какой женитьбе он и не помышлял и теперь ломает голову, как исправить положение? Что, если он просто не придет на свидание? Она гнала от себя горечь разочарования и мысли о возможном нежелательном повороте в их с Владимиром отношениях. Бурно начавшись, они могли так же молниеносно закончиться. Вспышка электрического разряда на мгновение освещает все вокруг и тут же гаснет.

– Какая я ему пара? – запоздало каялась Феодора, разглядывая себя в зеркале. – Да, хороша! Все еще. Но с каждым годом разрыв между его ослепительной молодостью и моим увяданием будет увеличиваться. О нас станут сплетничать, говорить за спиной обидные вещи.

«К тому времени ты приберешь к рукам денежки, – нашептывал внутренний голос. – Не страшно, что пока они принадлежат его отцу. Это даже к лучшему: целее будут. Владимир – поздний ребенок, его родители не молоды, их жизнь клонится к закату. Корнеев-старший, по слухам, стал прихварывать, в любой момент он может отойти от дел. Единственным его наследником является Владимир. Глупо упустить такой шанс из-за собственной нерешительности. Ты будешь старше супруга всего на тринадцать лет!»

– Всего... – простонала Феодора. – Легко сказать!

«Делай то, что задумала! – приказывал голос. – Там видно будет. Изменяться обстоятельства, изменится и твое отношение к замужеству. Все бrenно в этом мире. Лови миг удачи, пока он не выскользнул из твоих рук. Другие могут оказаться проворнее!»

«Хватит терзаться, – решила Рябова. – Лучше позаботиться о наряде, в котором я пойду на свидание с... женихом. Да, с женихом!»

Она выбрала платье свободного покроя, очень светлого розового цвета с жемчужным отливом. Складки у плеча и на линии бедер делали его похожим на хитон. Ткань была тонкой, не скрывающей фигуры, которая угадывалась под перламутровым покровом. На шею и волосы Феодора надела подаренные одним из отставных ухажеров нити японского жемчуга. Прическа на сей раз отличалась простотой и классической формой. Розовая кожаная сумочка и такие же туфли завершили туалет. Получилось превосходно.

Владимир позвонил за полчаса до назначенного времени, предложил заехать за ней. В его голосе звучали дрожь и трепет. Она отказалась. С трудом уредила сердце, готовое выпрыгнуть из груди в предчувствии полной, сокрушительной победы над мужчиной. Да еще каким мужчиной! Неожданная победа иногда повергает в замешательство. Феодора прислушалась к себе: что она ощущает? Переживание любви – или триумфа?

– Пожалуй, второе, – честно призналась она.

Владимир провел этот день в беспокойных хлопотах. Несмотря на плохое зрение, он понял, что она старше его и что существует реальная угроза получить ее отказ. Не всякая женщина, тем более такая утонченная, умная и чувственная, как его новая знакомая, пожелает иметь молодого необузданного супруга. Корнеев привык эпатировать публику, самозабвенно предаваясь этому развлечению. Женитьба на Феодоре – именно то, чем он сможет обратить на себя внимание бомонда. И не только. Он не допустит промаха.

Прекрасная, хоть и мнимая Ариадна снова поразила его, явившись в «Гюльсару» с небольшим опозданием. Словно ожил мраморный барельеф, украшающий стену храма, или обрело плоть изображение на старинной греческой вазе – Феодору было не узнать. Уже не минойская принцесса, а исполненная достоинства и зрелой красоты женщина вошла в заказанную Владимиром отдельную «диванную» – небольшое помещение, огражденное с двух сторон резными стенками из красного дерева.

Женщина сразу ощутила разлитую в воздухе тревогу. Ей стало не по себе. Неужели жених откажется от сделанного накануне предложения? Скрывая нервозность, она делала непреступный вид. Пусть не думает, что ее это хоть сколько-нибудь трогает.

Но Владимир и не помышлял ни от чего отказываться. Он читал стихи античных поэтов, рассыпался в комплиментах и как-то странно поглядывал мимо Феодоры, за ее спину.

Словно обменивался взглядами с неким невидимкой. Впервые в душу Рябовой вкрался страх, но не от того, что она окажется отвергнутой и ее мечты о выгодном, блестящем браке не осуществляются. Это был необъяснимый страх, не имевший под собой реальной почвы: сродни чутью зверя перед скрытой опасностью.

– Я хочу сделать ответный дар, – вдруг сказал молодой человек, рассеивая ее настороженность. – В обмен на тот чудесный клубок, врученный мне вами среди руин дворца Миноса.

Он достал бархатный футляр и показал Феодоре кольцо в виде золотой цветущей ветви.

– Надеюсь, оно достойно вашей красоты!

Несколько самых крупных цветов были искусно украшены бриллиантовой россыпью, и у любой женщины при виде такой изысканной драгоценности перехватило бы дух. Феодора не сумела сдержать вздоха восхищения.

Но ни роскошный презент, который подчеркнул неизменное намерение Владимира – ибо такие вещи просто так не дарят, ни французское шампанское, ни дорогие экзотические закуски, ни полные обожания глаза мужчины, ни его слова о любви не могли избавить Феодору от ощущения, будто ее пригласили сюда как на смотрины.

Она постоянно ощущала спиной чей-то пронизывающий, оценивающий взгляд. На миг ей показалось, будто за резной перегородкой притаилось чудовище. Глупость, конечно! Но-

воиспеченная невеста боролась с накатывающими приступами странного желания: ей хотелось вскочить и бежать отсюда куда глаза глядят.

«Это психоз, – уговаривала она себя. – Я ведь в первый раз выхожу замуж. С невестами случаются истерические припадки. Наверное, на меня свалилось слишком большое счастье. Это пройдет».

Глава 8

Москва. Октябрь

Третья попытка заставить «детей подземелья» в клубе «Ахеронт» увенчалась успехом. Дверь отворилась, и Смирнов оказался в сумрачном помещении. Тусклая лампочка под потолком рассеивала желтый свет, в котором стены, предметы и лица людей казались пергаментными.

– Вам кого? – неприветливо поинтересовался щуплый паренек в олимпийке и джинсах.

Рядом с ним сидел плотный, приземистый мужчина лет тридцати пяти. Кроме них, здесь, похоже, больше никого не было, если только в комнатухе не существовало потайной двери. На стенах клуба висели плакаты с изображениями рок-певцов и картинками преисподней. В одном углу стоял высоченный железный шкаф с приоткрытыми дверцами, в другом – выдавший виды письменный стол. Старые стулья и табуретки дополняли убогую меблировку.

– Кто у вас тут за старшего? – расплылся в наивной улыбке сыщик.

– Ну я, – неожиданно мощным басом ответил приземистый. – Дмитрий Каморин.

– Смирнов, – коротко представился гость. – В диггеры записаться хочу, пополнить ряды, так сказать.

Широкая улыбка не сходила с его лица. Члены клуба в недоумении переглянулись.

– У нас не библиотека. Записаться! – передразнил паренек. – Клагоискатель, что ли?

– Острых ощущений захотелось, – признался Смирнов. – Возьмете?

– Мы в клуб только по рекомендации принимаем, – важно заявил Каморин. – Тебя кто рекомендует?

– Олег Хованин.

– Он погиб, – сказал тощий, и они с Камориным снова переглянулись. – Разбился на мотоцикле.

– Ка-а-ак?! – изобразил горестное удивление Всеслав. – Мы с ним неделю назад пиво пили в «Дрейке», он обещал показать подземный ход, которым пользовались любовники этой... как ее... царевны Софьи. От Трубной площади прямо в Кремль ведет.

Перед разговором с диггерами сыщик проконсультировался у их «коллег». Людей, занимающихся исследованием подземной Москвы, было немало. Они объединялись в отдельные группы, большие и не очень, действовали на свой страх и риск. Клуб «Ахеронт» основала малочисленная, но сплоченная группа ребят под предводительством Каморина. Олег пользовался у них уважением и любовью, так как всецело отдавался своеобразному увлечению – подземным путешествиям, и, кроме того, являлся специалистом в силу своей профессии. Под землей всякое может случиться – обвал,

затопление, прочие сюрпризы, и пару раз ребятам удавалось выбраться на поверхность исключительно благодаря интуиции и знаниям Хованина.

– Нет больше Олега, – понуро опустил голову тщедушный паренек. – Уплыл он от нас по реке скорби. Не надо было так клуб называть! Я говорил...

Смирнов понимающе кивал. Благодаря Еве, которая тщательно подходила к вопросу о названиях, утверждая, что в этом кроется определенная информация, он блеснул эрудицией.

– Да, парни! С названием вы подкачали. Придется менять. Подземная река Ахеронт, если верить мифам, считается входом в царство бога мертвых Аида. Не так ли? Один из вас уже отправился в сие царство, думаю, остальным не особо хочется последовать за ним.

– Ты прав, – степенно кивнул Каморин. – Клуб мы переименуем. А вот Олега уже не вернуть. Жалко. Однажды мы с ним вдвоем полезли искать проход к секретному тоннелю Лубянки. Свод обвалился, если бы не Хованин, я бы сейчас здесь не сидел. У него просто нюх был на подземные коридоры! Когда после обвала пыль ядовитая осела, Олежка постоял, к стенам присмотрелся, постучал там, сям... «Тут ломать надо, – говорит. – Должно быть ответвление». И раз, раз! – киркой по кладке: звук гулкий, значит, пустоты имеются. Через полчаса мы пробились в другой тоннель, повыше.

– Как это – повыше? – притворно удивился Всеслав.

На самом деле он имел некоторое представление о подземных коммуникациях столицы, правда, далеко не такое полное, как опытные диггеры.

– Москва выросла в землю двенадцатью уровнями, – вмешался в разговор тощий паренек. – Это нижний город, утопающий во мраке и черных водах подземных рек. Ты уверен, что хочешь спуститься туда?

Сыщик указал на изображения адских чудовищ, висевших на давно не крашенных стенах.

– Вы специально страшные картинки развесили? Новичков пугать? Так я не из робких, ребята. Олег бы вам подтвердил.

Дмитрий Каморин улыбнулся. Чем-то незнакомец ему импонировал – тренированное тело, открытое, мужественное лицо, с чувством юмора все в порядке.

– Чаю хочешь? – неожиданно предложил он. – У нас настоящий, цейлонский.

– Не откажусь.

Чай в клубе «Ахеронт» оказался отменным. Хранили его не в пачках и не в коробках, а в нескольких специальных стеклянных банках с плотными крышками. Каморин отлично умел заваривать, радушно угощал гостя печеньем, шоколадными конфетами.

– Олега давно знаешь? – спросил он между прочим.

– Ага. Мы с его двоюродным братом воевали вместе.

Диггеры промолчали – видимо, Хованин не посвящал их

в подробности своих семейных отношений.

– Это брат ему «Хонду» подарил, – заметил тощий паренек. – На погибель.

И все. Больше о Проскурове не прозвучало ни слова. Каморин с товарищем принялись травить обычные диггерские байки: о крысах-мутантах, о шабашах сатанистов, привидениях, о таинственной библиотеке Ивана Грозного, так пока и не найденной, о «расстрельных подвалах» Лубянки, безымянных братских могилах, секретных подземных городах.

Над расшатанным письменным столом, за которым они пили чай, прямо на стене какой-то умелец начертал: «Если хочешь носить гордое имя – диггер, то место твое там, где тебя быть не должно».

Каморин перехватил взгляд гостя, пояснил:

– Власти не очень любят, когда посторонние шляются по городским коммуникациям. А сейчас из-за террористов вообще все, что могли, перекрыли, я имею в виду входы в подземелья. Но мы не унываем, домик полуразрушенный облюбовали с глубоким подвалом, опять же Олег Хованин подсобил. Он книжки по архитектуре и археологии Москвы изучал, понимал, откуда и куда могли быть проложены подземные ходы. На месте многих нынешних зданий в давние времена стояли совсем другие – дворцы особ, приближенных к государям, дома масонов, прочих лиц, посвященных в государственные секреты, чернокнижников. Про Якова Брюса слыхал? Он еще при Петре I разными сомнительными де-

лами занимался: астрологией, например, алхимией, колдовством.

– А главные свои тайны Брюс хранил в подземелье под Сухаревой башней! – добавил паренек. – Там же находится и «Черная книга», ее тринадцать духов охраняют. Понимаешь, на земле дома новые, а под землей старые сооружения остались. Мы указанный Олегом ход расчистили и пользуемся.

– Под домом Брюса, что ли? – спросил сыщик.

– Не-е-ет! – рассмеялся Каморин. – В другом месте, а где – про то молчать следует. Вдруг такие, как ты, прыткие, захотят в подземелье попасть? Там сгинуть – раз плюнуть. Диггеры свои входы держат в тайне, ради безопасности не в меру любопытных товарищей.

– Значит, не возьмете меня под землю? А Олег обещал.

– Воля покойного – закон, – серьезно сказал тщедушный паренек. – Мы, Димыч, обязаны его обещание выполнить. А то удачи не будет.

– Взять-то можно... только после соответствующей подготовки, – поразмыслив, не стал возражать Каморин. – Эх, Олег, Олег! Любитель был таскать с собой кого попало.

– Да он пару раз всего брал под землю чужих, – заступился за Хованина паренек.

– Слушай, тебя как зовут? – спросил Смирнов. – А то говорим, говорим, вроде познакомились, только без имен.

– Зови его Владом, – ответил за паренька Каморин.

– Значит, Олег любил экскурсии устраивать для новичков? Да, Влад?

– Ну, вроде того, – смутился тот. – Доброй души человек был. Снаряжение свое давал напрокат – костюм прорезиненный, каску, фонари. Как его угораздило на мотоцикле в бордюр врезаться? Он за рулем почти не пил, разве что несколько глотков пива.

– А не могли его убить?

– Кто?! – вскинулся Каморин. – Ты не шути так! У нас Олежку все обожали. Что за глупости? Известно же, он в аварию попал, превысил скорость, не справился с управлением. Какое это убийство?

– Вы поверили официальной версии? – многозначительно закатил глаза Всеслав.

– Да. Зачем кому-то убивать Хованина? А на своей «Хонде» он гонял как сумасшедший, все знают.

– У Олега были враги? Ему завидовали?

– В «Ахеронте» нет завистников, – обиделся за товарищей Влад. – У нас подземное братство, где каждый доверяет другому, как самому себе. С врагом в преисподнюю не полезешь.

– Может быть, он девушку у кого-нибудь отбил или еще чего натворил? – не отступал Смирнов. – Мы с его братом Эдиком – боевые друзья, и мне небезразлично, по какой причине погиб Хованин.

– Ты, случайно, не мент?

– Почему сразу мент? Если человек хочет установить истину, он обязательно должен быть ментом?

Каморин со стуком поставил чашку на стол. Чай у него остыл.

– Много вопросов задаешь не по делу, – сквозь зубы произнес он. – Пришел под землю проситься, а сам про Олега вынюхиваешь. Странно.

– Получается, ваш приятель умер, а вам все равно? – ринулся в атаку сыщик. – Я Олега мало знал, и то у меня за него душа болит. Молодой мужик ушел из жизни, жениться не успел, детей после себя не оставил! Девушка у него хотя бы была?

Влад растерянно переводил глаза с Каморина на гостя и обратно.

– Была, – пробормотал он. – И не одна. Женщины Олега любили. Но никому из нас он дорогу не переходил. В последнее время Олег встречался с Люсей... кажется.

– Что за Люся?

– Он несколько раз приходил с ней сюда. Как же ее фамилия? Не помню.

– Люся Уварова, – сказал Каморин. – Она работает в какой-то смежной с «Геопроектом» организации, имеет доступ к архивам. Этот интерес их и сблизил. По-моему, она не замужем, так что разъяренный супруг, готовый уничтожить ненавистного соперника, в этой истории отсутствует.

– Почему непременно супруг? – округлил глаза сыщик. –

А кто-нибудь из вас, например? Или из бывших ухажеров Уваровой?

– Димыч, он точно – мент! – шумно вздохнул Влад. – До-тошный, как следователь. В Люську никто из наших ребят не влюблялся. Мы бы знали! Ее бывших, конечно, исключить нельзя, но... девчонки начинают встречаться с парнями со школы. Что же им, убивать потом друг друга?

– Все зависит от темперамента, – повел руками в воздухе Всеслав.

– Дать вам телефон Уваровой? – предложил Каморин. – А то обсуждаем женщину за глаза, неловко как-то.

– Давайте.

Оказалось, что в клубе «Ахеронт» имеется специальная книга, куда каждый может записывать разные мелочи: телефоны общих знакомых, время и место назначаемых встреч, памятные даты – дни рождения, юбилеи, праздники. Члены клуба оставляли на страницах книги записки друг для друга, делали заметки и прочее.

– Покажите мне, пожалуйста, записи Хованина, – попросил сыщик. – Вы знаете его почерк?

– Разумеется. Вам с самого начала? Книгу мы завели три года тому назад.

– С начала.

Книга была толстая, наполовину исписанная, и Смирнов хотел получить все, занесенное туда почерком Олега. Пока Каморин под его наблюдением делал выборки, Влад решил

напустить на новичка страху и завел разговор о сатанистах.

– Они под землей без помех устраивают свои гнусные ритуалы, призывают дьявола и приносят ему жертвы. Человеческие в том числе! Говорят, бабу раздевают догола, кладут ее на камень, вокруг свечи черные зажигают, размахивают магическим мечом и впадают в транс. А меч тот надо потом положить бабе на живот.

Он красочно расписывал кровавые сцены убийства невинных младенцев, пока Каморин не прервал его монолог невозмутимым: «Ну, кажется, все!» Он словно и не слышал ужасов, взхлеб перечисляемых Владом.

Из книги на листок переключалось несколько телефонных номеров, пара заметок типа «Позвонить Люсе» и одна запись о встрече 12 сентября у Симонова монастыря с неизвестным лицом или лицами. Судя по количеству сделанных позже записей, встреча состоялась в прошлом году. Ни Влад, ни Каморин не смогли вспомнить, с кем именно собирался встретиться Олег.

– Это когда было-то? – воздел руки к потолку Дмитрий. – Прошлой осенью.

– Ну... кажись, тогда Олежка чужих под землю и водил, – пробубнил Влад. – Утверждать с точностью нельзя, но вроде это осенью было.

– А телефоны чьи?

– Это Люсин, – показал на один из номеров Каморин. – Вот рабочий Олега, вот мобильный, он для нас записывал.

Остальные... не знаю. Мало ли?

Всего номеров было одиннадцать.

– И что, сатанисты действительно убивают людей во время ритуалов? – спросил Смирнов.

– Сам при этом не присутствовал, – покачал головой Каморин. – А знаки Апокалипсиса на стенах тоннелей видел. Кстати, совсем забыл! Олег недавно признался, что столкнулся под землей с Двумикой. Никто ее не заметил, только он. Это у нас примета такая, предвещающая несчастье.

– Двумикая? Призрак, что ли?

– Дух подземелий, – неохотно пояснил Влад. – Если она покажется, надо уносить ноги. Или обвал случится, или вода прорвется, или еще что худое приключится. Двумикой ее называют потому, что она то молодой девушкой прикинется, то древней старухой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.